

О голоде. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://tolstoyleo.ru/> приятного чтения!

О голоде. Лев Николаевич Толстой

I

За последние два месяца нет книги, журнала, номера газеты, в которой бы не было статей о голоде, описывающих положение голодающих, взывающих к общественной или государственной помощи и упрекающих правительство и общество в равнодушии, медлительности и апатии.

Судя по тому, что известно по газетам и что я знаю непосредственно о деятельности администрации и земства Тульской губернии, упреки эти несправедливы. Не только нет медлительности и апатии, но скорее можно сказать, что деятельность администрации, земства и общества доведена теперь до той последней степени напряжения, при которой оно может ослабеть, но едва ли может еще усилиться. Повсюду идет кипучая, энергическая деятельность.

В высших административных сферах шли и идут безостановочно работы, имеющие целью предотвратить ожидаемое бедствие. Ассигнуют, распределяют суммы на выдачу пособий, на общественные работы, делают распоряжения о выдаче топлива. В пострадавших губерниях собираются продовольственные комитеты, экстренные губернские и уездные собрания, придумываются средства приобретения продовольствия, собираются сведения о состоянии крестьян: через земских начальников – для администрации, через земских деятелей – для земства, обсуживаются и изыскиваются средства помощи. Роздана рожь для обсеменения, принимаются меры для сохранения семян овса на весну и, главное, для продовольствия в продолжение зимы.

Кроме того, по всей России совершаются пожертвования в кружках, при церквях, чиновниками отчисляются проценты из жалований, собираются пожертвования при редакциях, жертвуют частные лица и учреждения.

По всей России основались отделения Красного Креста, и не пострадавшие губернии причислены по одной и по несколько к одной пострадавшей, собирая для нее пожертвования.

Если результаты, достигнутые до сих пор, меньше, чем можно бы ожидать, то причина этого не в недостаточности деятельности, но в том отношении к народу, в котором происходит эта деятельность и при котором, мне думается, помощь народу в теперешнем бедствии очень трудна.

О том, что я разумею под отношением к народу, – я скажу после.

До сих пор могли быть сделаны два дела: выдача семян на обсеменение и заготовление из казенных лесов дров на отопление.

Оба эти дела сделаны, судя по газетам и по тому, что мне известно непосредственно в нашей местности и по другим губерниям, не совсем удачно.

В нашей губернии крестьяне обсеменились почти везде своими семенами. Выдано же было отчасти мало, отчасти поздно, в некоторых же и многих местах семена выданы были без надобности людям, которые не нуждались в них, так что во многих уездах выданные семена продавались и пропивались.

Другое предстоящей осенью дело было дело заготовления топлива. С 1-го сентября было разрешено выдавать из казенных лесов топливо пострадавшим от неурожая крестьянам. Около 20-х чисел сентября состоялось расписание волостей, причисленных к известным лесничествам, и объявлено по волостям о разрешении собирать бесплатно топливо. Волости, причисленные к лесничествам, отстоят от них за 40–50 верст, так что перевоз валежника осенью на подножном корму не представлял бы затруднения. А между тем мне верно известно, что 14-го октября, т. е. в продолжение почти месяца, не было ни одного крестьянина в подгороднем нашем лесничестве. И в Крапивенском лесничестве тоже не отпускали ничего. Если принять во внимание то, что только осенью, когда есть еще подножный корм, для крестьянина есть возможность ехать вдаль за дровами, и то, что только осенью можно собирать не засыпанный еще снегом валежник, и то, что теперь каждый день может уже выпасть зима, – можно смело сказать, что это, другое дело, исполнено

тоже неудачно.

Так сделаны были дела обсеменения и заготовления топлива, но оба эти дела вместе составляют едва ли одну десятую того дела продовольствия, которое предстоит теперь. Так что, судя по тому, как сделалось несовершенно то, что сделалось, трудно ожидать, чтобы огромное и трудное дело продовольствия сделано было лучше. Всё, что известно по газетам, и всё, что мне непосредственно известно о видах на совершение этого дела, – не обещает успеха. Как администрация, так и земства по отношению к этому делу народного продовольствия до сих пор еще не знают, что и как они будут делать.

Неопределенность эта усложняется, главное, разногласием, которое везде существует между двумя главными органами: администрацией и земством.

Странно сказать, вопрос о том: есть ли то бедствие, которое вызывает деятельность, т. е. есть ли голод или нет его, и если он есть, то в каких размерах, – есть вопрос нерешенный между администрацией и земством.

Повсюду земства требуют больших сумм, администрация же считает их преувеличенными и излишними и или отказывает, или сбавляет их. Администрация жалуется на то, что земства увлекаются общим настроением и, не вникая в сущность дела, не мотивируя, пишут жалобные литературные описания нужды народной и требуют огромные суммы, которые правительство не может дать и которые, если бы и были даны, принесли бы больше зла, чем пользы.

«Необходимо, чтобы народ узнал нужду и сам бы сократил свои расходы, – говорят представители администрации, – а то теперь всё, что требуется земствами, всё, что говорится в собраниях, передается в искаженном виде народу, и крестьяне надеются на такую помощь, которую они не могут получить. От этого происходит то, что люди не идут на предлагаемые работы и пьянствуют больше, чем когда-либо». «Какой же голод, – говорят представители администрации, – когда люди отказываются от работы, когда акциз, собранный в осенние месяцы нынешнего года, больше, чем за прошлый, и когда ярмарки торговли крестьянским товаром лучше всех годов.

Если только послушать требования земства, то с выдачей продовольствия будет то же, что с выдачей семян в некоторых уездах, где их выдали ненуждающимся и тем только поощрили пьянство», – говорят представители администрации и – собирают подати.

Так смотрит на дело администрация. И нельзя не признать справедливости такого взгляда, если рассматривать дело с общей точки зрения. Но не менее справедливы доводы земства, когда на все эти возражения оно отвечает описанием крестьянского имущества по волостям, из которого явствует, что против среднего урожая нынешний урожай ниже вчетверо и впятеро и что средств пропитания у большинства населения нет.

Для того, чтобы вырезать, приготовить и наложить заплату, надо знать размер дыры.

А вот в размерах этой дыры оказывается невозможным согласиться. Одни говорят, что дыра невелика и как бы заплата не разодрала дальше; другие говорят, что не достанет и материи на заплату. Кто прав? В каких размерах правы те или другие?

II

Ответом на эти вопросы пусть будет описание того, что я видел и слышал в четырех посещенных мною пострадавших от неурожая уездах Тульской губернии.

Первый уезд, посещенный мною, был Крапивенский, пострадавший в своей черноземной части.

Первое впечатление, отвечавшее в положительном смысле на вопрос о том, находится ли население в нынешнем году в особенно тяжелых условиях: употребляемый почти всеми хлеб с лебедой, – с $1/3$ и у некоторых с $1/2$ лебеды, – хлеб черный, чернильной черноты, тяжелый и горький; хлеб этот едят все, – и дети, и беременные, и кормящие женщины, и больные.

Другое впечатление, указывающее на особенность положения в нынешнем году, это

О голоде. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
общие жалобы на отсутствие топлива. Тогда еще – это было в начале сентября – уже нечем было топить. Говорили, что порубили лозины на гумнах, что я и видел; говорили, что перерубили и перекололи на дрова все чурбачки, всё деревянное. Многие покупают дрова в прочищающемся помещицьем лесу и в сводящейся поблизости роще. Ездят за дровами верст за 7, за 10. Цена колотых дров осиновых за шкалик, т. е. 1/16 куб. саж., 90 копеек, так что дров на зиму понадобится рублей на 20, если топить всё покупными.

Бедствие несомненное: хлеб нездоровый, с лебедой, и топиться нечем.

Но смотришь на народ, на его внешний вид, – лица здоровые, веселые, довольные. Все в работе никого дома. Кто молотит, кто возит. Помещики жалуются, что не могут дозваться людей на работу. Когда я там был, шла копка картофеля и молотья. В праздник престольный пили больше обыкновенного, да и в будни попадались пьяные. Притом самый хлеб с лебедой, когда приглядишься, как и почему он употребляется, получает другое значение.

В том дворе, в котором мне в первом показали хлеб с лебедой, на задворках молотила своя молотилка на четырех своих лошадях, и овса, с своей и наемной земли, было 60 копен, дававших по 9-ти мер, т. е., по нынешним ценам, на 300 рублей овса. Ржи, правда, оставалось мало, четвертей 8, но, кроме овса, было до 40 четвертей картофеля, была греча, а хлеб с лебедой ела вся семья в 12 душ. Так что оказывалось, что хлеб с лебедой был в этом случае не признаком бедствия, а приемом строгого мужика для того, чтоб меньше ели хлеба, – так же как для этой же цели и в изобильные года хозяйственный мужик никогда не даст теплого и даже мягкого хлеба, а всё сухой. «Мука дорогая, а на этих пострелят разве наготовишься! Едят люди с лебедой, а мы что ж за господа такие!»

Отсутствие топлива тоже становится не так страшно, когда узнаешь подробности положения. Купить на 20 рублей – откуда взять в нынешнем году? – Так мне и говорил другой мужик, жалуясь на безвыходность нынешнего года. А между тем у этого мужика два сына живут в работниках, один за 40, другой за 50 рублей, и он одного из них женил нынешний год, несмотря на то, что баб у него в доме довольно. Отсутствие же топлива выкупается тем, что нынешний год соломы хотя и меньше обыкновенного, но она травяная, с колоском, и составляет превосходный корм. Так что не топят соломой не потому только, что ее мало, а потому что она нынешний год заменит отчасти посыпку мукой скотине. (Так это там, где была хоть солома. Во многих же уездах соломы совсем не было.) Положение большинства дворов при поверхностном наблюдении представляется таким, что неурожай ржи выкупается урожаем овса, стоящим в высокой цене, и хорошим урожаем картофеля. Продают овес, покупают рожь и кормятся преимущественно картофелем. Но не у всех есть и овес и картофель; когда я переписал всю деревню, то оказалось, что из 57 дворов 29 было таких, у которых ржи уже ничего не оставалось или несколько пудов, от 5 до 8, и овса мало, так что при промене двух четвертей на четверть ржи им не хватит пищи до Рождества. Таковы 29 дворов; 15 же дворов совсем плохие. У этих дворов нет главного подспорья нынешнего года – овса, так как, будучи плохи еще прошлого года, они не могли обсеять ярового и земля сдана. Некоторые уже теперь побираются.

Таковы приблизительно и другие деревни Крапивенского уезда. Процент богатых, средних и плохих почти один и тот же: 50% или около того средних, т. е. таких, которые в нынешнем году съедят все свои продовольствия до декабря, 20% богатых и 30% совсем плохих, которым уже теперь или через месяц будет есть нечего.

Положение крестьян Богородицкого уезда хуже. Урожай, в особенности ржи, здесь был хуже. Здесь процент богатых, т. е. таких, которые могут просуществовать на своем хлебе, тот же, но процент плохих еще больше. Из 60-ти дворов 17 средних, 32 совсем плохих, таких же плохих, как те 15 плохих в первой деревне Крапивенского уезда.

Здесь, в Богородицком уезде, вопрос топлива был еще труднее разрешим, так как лесов еще меньше, но общее впечатление опять то же, как и в Крапивенском уезде. Пока ничего особенного, показывающего голод: народ бодрый, работающий, веселый, здоровый. Волостной писарь жаловался, что пьянство в Успенье (престол) было такое, как никогда.

Чем дальше в глубь Богородицкого уезда и ближе к Ефремовскому, тем положение хуже и хуже. На гумнах хлеба или соломы всё меньше и меньше, и плохих дворов всё

О голоде. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
больше и больше на границе Ефремовского и Богородицкого уездов положение худо в особенности потому, что при всех тех же невзгодах, как и в Крапивенском и Богородицком уездах, при еще большей редкости лесов, не родился картофель. На лучших землях не родилось почти ничего, только воротились семена. Хлеб почти у всех с лебедой. Лебеда здесь невызревшая, зеленая. Того белого ядрышка, которое обыкновенно бывает в ней, нет совсем, и потому она не съедобна.

Хлеб с лебедой нельзя есть один. Если наестся натошак одного хлеба, то вырвет. От кваса же, сделанного на муке с лебедой, люди шалют.

Здесь бедные дворы, опустившиеся в прежние года, доедали уже последнее в сентябре. Но и это не худшие деревни. Худшие – в Ефремовском и Епифанском уездах. Вот большая деревня Ефремовского уезда. Из 70-ти дворов есть 10, которые кормятся еще своим. Остальные сейчас, через двор, уехали на лошадях побираться. Те, которые остались, едят хлеб с лебедой и с отрубями, который им продают из склада земства по 60 копеек с пуда. Я зашел в один дом, чтобы видеть хлеб с отрубями. Мужик получил три меры ржи на обсеменение, когда у него уж было посеяно и, смешав эти три меры с тремя мерами отрубей, смолот вместе и вышел хлеб довольно хороший, но последний. Баба рассказывала, как девочка наелась хлеба из лебеды и ее несло сверху и снизу, и она бросила печь с лебедой. Угол избы полон котьясьями лошадиными и сучками, и бабы ходят собирать по выгонам котьясья и по лесам обломки сучков в палец толщиной и длиной. Грязь жилья, оборванность одежд в этой деревне очень большая, но видно, что это обычно, потому что такая же и в достаточных дворах. В этой же деревне слободка солдатских детей безземельных. Их дворов десять. У крайнего домика этой слободки, у которого мы остановились, вышла к нам оборванная, худая женщина и стала рассказывать свое положение. У нее пять человек детей. Старшей девочке десять лет. Двое больны, – должно быть инфлуенцей. Один трехлетний ребенок больной, в жару, вынесен наружу и лежит прямо на земле, на выгоне, шагах в восьми от избышки, покрытый разорванным остатком зипуна. Ему и сыро, и холодно будет, когда пройдет жар, но все-таки лучше, чем в четырехаршинной избышке с развалившейся печкой, с грязью, пылью и другими четырьмя детьми. Муж этой женщины ушел куда-то и пропал. Она кормится и кормит своих больных детей побираясь. Но побираться ей затруднительно, потому что вблизи подают мало. Надо ходить вдаль, за 20–30 верст, и надо бросать детей. Так она и делает. Наберет кусочков, оставит дома, и, как станут выходить, пойдет опять. Теперь она была дома, – вчера только пришла, и кусочков у ней хватит еще до завтра.

В таком положении она была и прошлого и третьего года и еще хуже третьего года, потому что в третьем годе она сгорела и девочка старшая была меньше, так что не с кем было оставлять детей. Разница была только в том, что немного больше подавали и подавали хлеб без лебеды. И в таком положении не она одна. В таком положении не только нынешний год, но и всегда все семьи слабых, пьющих людей, все семьи сидящих по острогам, часто семьи солдат. Такое положение только легче переносится в хорошие года. Всегда и в урожайные годы бабы ходили и ходят по лесам украдкой, под угрозами побоев или острога, таскать топливо, чтобы согреть своих холодных детей, и собирали и собирают от бедняков кусочки, чтобы прокормить своих заброшенных, умирающих без пищи детей. Всегда это было!

И причиной этого не один нынешний неурожайный год, только нынешний год всё это ярче выступает перед нами, как старая картина, покрытая лаком. Мы среди этого живем!

III

Таких деревень, как эта, очень много и в Богородицком и в Ефремовском уездах. Но есть и хуже. И таковы деревни Епифанского уезда.

Вот одна из них: верст шесть от одной деревни до другой нет жилья и сел. Есть только в стороне помещичьи хутора. Всё поля и поля, жирные, черноземные, глубоко вспаханные плугами и прекрасно посеянные рожью. Картофель весь выкопан; кое-где только перепахивают второй раз. Кое-где пашут под яровое. В жнивах ходят прекрасные стада помещичьи. Осими прекрасные, дороги хозяйственно окопаны канавами, усажены срубавшей лозиною; в лощинах разводится сажень лес. Кое-где огороженные и оберегаемые леса помещиков. На хуторах по дороге пропасть соломы, и убирается в подвалы и бунты картофель. Всё обработано, и обработано искусно, на всем виден положенный труд тысяч людей исходивших с сохами, плугами, косами, граблями все борозды этих необозримых богатых полей. Прихожу к жительству этих людей.

В крутых берегах большая прекрасная река, с обеих сторон поселение. На этой стороне Епифанского уезда поменьше, на той стороне, Данковского, побольше. Там и церковь с колокольней и блестящим на солнце крестом; по бугру, на той стороне, вытянулись красивые издалика крестьянские домики.

Подхожу к краю деревни на этой стороне. Первая изба – не изба, а четыре каменные, серого камня, смазанные на глине стены, прикрытые потолочинами, на которых навалена картофельная ботва. Двора нет. Это жилье первой семьи. Тут же, спереди этого жилища, стоит телега, без колес, и не за двором, где обыкновенно бывает гумно, а тут же перед избой, расчищенное местечко, ток, на котором только что обмолотили и извезли овес. Длинный мужик в лаптях лопатой и руками насыпает из вороха в плетеную севалку чисто отвеянный овес, босая баба лет 50-ти в грязной, черной, вырванной в боку рубахе, носит эти севалки, ссыпает в телегу без колес и считает. К бабе жметя, мешая ей, в одной серой от грязи рубахе растрепанная девочка лет семи. Мужик – кум бабе, он пришел помочь ей извезать и убрать овес. Баба – вдова, муж ее умер второй год, а сын в солдатах на осеннем учении, невестка в избе с двумя своими малыми детьми: один грудной, на руках, другой лет двух сидит на лавке.

Весь урожай настоящего года – в овсе, который уберется весь в телегу, четверти четыре. От ржи, за посевом, остался аккуратно прибранным в пуньке мешок с лебедой, пуда в три. Ни проса, ни гречи, ни чечевицы, ни картошек не сеяли и не садили. Хлеб испекли с лебедой – такой дурной, что есть нельзя, и в нынешний день баба утром сходила побираться в деревню, верст за восемь. В деревне этой праздник, и она набрала фунтов пять кусочков без лебеды пирога, которые она показывала мне. В лукошке было набрано корок и кусочков в ладонь, фунта 4. Вот всё имущество и все видимые средства пропитания.

Другая изба такая же, только немного лучше покрыта и есть дворишко. Урожай ржи такой же. Такой же мешок лебеды стоит в сенях и представляет амбары с запасами. Овса в этом дворе не сеяли, так как не было семян весной; картофелю три четверти и есть пшеница две меры. Рожь, какая осталась от выдачи на семена, баба испекла пополам с лебедой и теперь доедают. Осталось полторы ковриги. У бабы четверо детей и муж. Мужа в то время, как я был в избе, не было дома, – он клал избу, каменную на глине у соседа мужика через двор.

Третья изба такая же, как и первая, без двора и крыши, положение такое же. Пока я был в этой третьей избе и разговаривал с хозяйкой, сюда же вошла баба и стала рассказывать соседке, как ее мужа избили, как она не чаёт ему живым быть и как его нынче утром причастили. Очевидно, что соседка всё знала это давно и что рассказывалось это мне. Я предложил посмотреть больного, чтобы помочь ему, чем можно. Баба ушла и скоро опять вернулась, чтоб проводить меня. Больной лежал в соседней избе. Изба эта была большая, бревенчатая, с каменной пунькой и двором. В этой избе живут две чужие семьи на квартире, не имея домов. Глава одной из этих семей и был избитый больной. На хорах, между печью и стеной, лежал больной, покрытый веретем, и жалобно стонал. Я подошел, раскрыл его с осторожностью. Это был коренастый, здоровый мужик лет 40, с налитым кровью лицом и атлетическими мускулами на оголенной руке. Я стал расспрашивать его, и он, стараясь стонать слабым голосом, рассказал мне, что третьего дня у них была сходка, и он, и другой товарищ взяли билеты (паспорты), чтобы итти на низ, и тут он сказал одному мужику, что не надо ругаться, – в ответ на что этот мужик сбил его с ног и стал по нем ходить, т. е. избил его всего, и голову и грудь. Оказалось, что, взявши паспорта, поставили по восьмью, да тут же бывший староста, растративший мирских денег 50 рублей, поставил полведра за то, что ему рассрочили платеж на три срока, и мужики перепились.

Я ощупал, осмотрел избитого. Он был совершенно здоров и сильно вспотел под своим веретем. Знаков никаких не было, и очевидно, он лежал и причащали его только, чтобы вызвать со стороны начальства, к которому он меня причислял, наказание тому, с кем он подрался. Когда я высказал ему, что не надо судиться и что я думаю, что он не опасно избит и может встать, он остался недоволен, и бабы, которые внимательно следили за мною, и которых была полная изба, стали с неудовольствием говорить, что коли так, то они и всех до смерти перебьют.

Бедность всех трех семей, живущих тут, такая же полная, как и в первых дворах. Ржи ни у кого нет. У кого пшеница пуда два, у кого картошек недели на две. Хлеб, испеченный с лебедой из ржи, выданной на семена, у всех есть еще, но хватит не

надолго.

Народ почти весь дома: кто мажет избу, кто перекладывает, кто сидит, ничего не делая. Обмолочено все, картофель выкопан.

Такова вся деревня в 30 дворов, за исключением двух семей, которые зажиточны.

Деревня эта сгорела на половину прошлого года и не отстроилась. Те первые дворы с женщиной, молотившей овес, и другие 8 дворов сряду выселены на новое место на край для исполнения правила страхования. Большинство так бедны, что до сих пор живут на квартирах. Так же слабы и остальные и непогоревшие, хотя погоревшие в общем несколько хуже. Положение деревни таково, что из 30-ти дворов 12 безлошадных.

Деревня в бедственном состоянии, но очевидно, что не неурожай нынешнего года главное бедствие. Неурожай этот представляется даже маленькой бедой в сравнении с теми частными причинами бедствий, которым подвержена каждая отдельная семья, и теми общими, независимыми от неурожая бедствиями, которые привели их в то состояние, в котором они находятся.

В каждой почти семье своя отдельная беда, гораздо значительнее неурожая нынешнего года.

У бывшего старосты беда та, что ему надо под угрозой суда уплатить 50 рублей по третям, и он продает весь овес на этот долг. У теперешнего старосты, хорошего столяра, беда та, что его посадили в старосты и лишили возможности пойти в работу. Жалованья ему дают 15 рублей в год, а он говорит, что легко заработал бы 60 и не подумал бы о неурожае. У третьего мужика беда в том, что он задолжал уже давно, а теперь пришлось платить, и он должен был продать три стены деревянной избы, оставив себе одну на топку. Теперь ему жить не в чем и он мажет из камня крошечную келью, где будет жить с женой и детьми. У четвертого беда та, что он рассорился с жившей с ним матерью, и она отделилась от него, сломала свою избу и ушла к другому сыну, взяв свою часть. А ему жить и не с чем и негде. У пятого беда, что он ездил в город с овсом, загулял и пропил всё, что было овса.

Общие же хронические причины бедствия тоже во много раз более сильные, чем неурожай. Как и везде: малоземельность, пожары, ссоры, пьянство, упадок духа.

Перед уходом из деревни я остановился подле мужика, только что привезшего с поля картофельные ботовья, плети (как у них называют) и складывавшего их у стены избы.

«Откуда это?»

«У помещика покупаем».

«Как? Почему?»

«За десятину плетей – десятину на лето убирать». То есть за право собрать с десятины выкопанного картофеля картофельную ботву крестьянин обязывается вспахать, посеять, скосить, связать, свезти десятину хлеба, т. е. по обыкновенным дешевым ценам розничной работы сработать по крайней мере на 8 рублей, а по установленной в той местности цене выходит пять.

Мужик был разговорчив, я остановился с ним у телеги и скоро человек шесть мужиков собралось тут же, и мы разговорились. Бабы, прислушиваясь, стояли поодаль. Ребята, жуя черный, чернильного цвета липкий хлеб с лебедой, вертелись подле нас, разглядывая меня и прислушиваясь. Я повторил некоторые расспросы, поверяя показания старосты. Всё оказалось верным. Даже количество безлошадных оказалось больше, чем показал староста. Всю нищету свою рассказывали не то что с неудовольствием, но с какой-то постоянной над кем-то и над чем-то иронией.

«Что ж это вы так плохи, обедняли хуже других?» – спросил я.

Отвечать стали несколько голосов, – так определенен был ответ.

«А что же поделаешь! Летось половину деревни, как корова языком слизнула, – выгорело. А то неурожай. И летось плохо было, а уж нынче вовсе чисто. Да какой

О голоде. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
тебе урожай, коли земли нет? Какая земля? – На квас».

«Ну, заработки?» – сказал я.

«Какие заработки? Где они? ведь он (это помещик) нас на 11 верст обхватил. Всё его земля, куда хоть иди. Цена везде одна. Ну, вот плати 5 рублей за плети, а их на месяц не хватит».

«Ну, как же жить будете?»

– Так и будем жить. Распродадим что есть, а там что бог даст.

– Продать-то уж нечего. Котьяшья нешто продавать станешь! Вон у меня угол целый набран. Затопишь, так перхаешь, перхаешь.

– Уж писали, писали нас, раз десять писали, – сказал староста, – а всё толку нет.

– Видно, писаря плохие. Вот дай дед (это на меня) запишет. Он тверже запишет. Вишь перо-то у него какая и т. д.».

Мужики смеются и очевидно что-то такое знают, но не рассказывают.

Что же это такое? Неужели эти в самом деле не понимают своего положения или так надеются на помощь извне, что не хотят делать никаких усилий? Могу ошибаться, но похоже на это.

И тут я вспомнил двух немного выпивших старых мужичков Ефремовского уезда, ехавших из волостного правления, куда они ездили справляться о том, когда потребуются их сыновья на осеннее учение, которые на вопрос мой, как у них урожай и как они живут, отвечали мне, несмотря на то, что они были из самой плохой местности, – что, слава богу, спасибо царю-батюшке, на обсеменение выдали, теперь будут выдавать и на продовольствие до заговен по 30 фунтов на человека, а после заговен – по полтора пуда.

Ведь то, что люди этой епифанской деревни не могут прожить зимы, не померев от голоду, или, по крайней мере, от болезни, происходящих от голода и дурной пищи, если они не предпримут чего-нибудь, так же несомненно, как и то, что колодка пчел без меда и оставленная на зиму, помрет к весне. Но в том-то и вопрос: предпримут они что-нибудь или нет? До сих пор похоже, что нет. Только один из них распродал всё и уезжает в Москву. Остальные как будто не понимают своего положения. Ждут ли они, что им помогут извне или они, как дети, провалившиеся в прорубь или потерявшие дорогу, в первую минуту еще не понимая всей опасности своего положения, смеются над непривычностью его. Может быть, и то и другое. Но несомненно, что эти люди находятся в таком состоянии, при котором они едва ли сделают усилия, чтобы помочь себе.

IV

Что же, есть голод или нет голода? И если есть, то в каких размерах? И в каких размерах должна быть подана помощь? Все графы, по которым описываются имущества крестьян, ничего не отвечают и не могут ответить на эти вопросы.

Администрация и земство представляют себе задачу прокормления голодного народа точно так же, как представляют себе такую же задачу прокормления данного количества скотины. На столько-то волов нужно на 200 дней зимы столько-то пудов сена, соломы, барды. Заготовили это количество корма, поставили на стойло волов, и можно быть уверенным, что вола перезимуют. С людьми расчет совершенно иной.

Во-первых, для вола и всякой скотины *minimum* и *maximum* необходимой пищи очень недалеко друг от друга. Съев нужное ей количество корма, скотина перестает есть и больше ни в чем не нуждается, а недоев нужного ей количества, она скоро заболевает и умирает. Для человека же расстояние между *minimum*-ом и *maximum*-ом нужного ему, не только в виде пищи, но и других потребностей – огромно: человек может питаться просфоркой, как постники, горстью риса, как китайцы и индейцы, может не есть 40 дней, как доктор Таннер, и остаться здоров, и может проглотить огромное по ценности и питательности количество пищи и питья; и кроме пищи нуждается еще во многих вещах, которые могут разрастаться до бесконечности и суживаться до самого малого.

Во-вторых, вол на стойле не может сам себе добыть пищи, человек же сам добывает ее, и тот человек, которого мы собираемся кормить, есть самый главный добытчик пищи, тот самый, который в самых тяжелых условиях добывает то, чем мы собираемся его кормить. Кормить мужика, это всё равно, что во время весны, когда пробилась трава, которую может уже набрать скотина, держать скотину на стойле и самому щипать для нее эту траву, т. е. лишить стадо той огромной силы собирания, которая есть в нем, и тем погубить его.

Нечто подобное совершилось бы и с мужиком, если бы мы стали точно так кормить его, и он поверил бы этому.

«Бюджет мужика не сходится, – дефицит, – ему нечем кормиться», – надо его кормить.

Да учтите всякого среднего мужика не в неурожайный, а в обычный год, когда, как в наших местах, в тех самых местах, где голод сплошь да рядом, хлеба с надельной земли хватает только до Рождества, и вы увидите, что ему в обыкновенные годы, по спискам урожая, кормиться нечем и дефицит такой, что ему непременно надо перевести скотину и самому раз в день есть. Таков бюджет среднего мужика, – про бедного и говорить нечего, – а смотришь, он не только не перевел скотину, но женил сына или выдал дочь, справил праздник и прокурил 5 рублей на табак.

Кто не видал пожаров, очищавших всё? Казалось бы, надо погибнуть погорельцам. Смотришь, кому пособил сват, дядя, кто достал кубышку, кто задался в работники, а кто поехал побираться; энергия напряглась и смотришь, – через два года справились не хуже прежнего.

А переселенцы, уходящие с семьями, кормящиеся годами работами, пока не сядут на месте? Одно время я занимался вопросом прошедшего заселения Самарского края. И факт, который подтверждали мне все самарские старожилы, тот, что большинство переселенцев, шедших по маршрутам с помощью правительства, погибало и приходило в нищету, а большинство беглых, встречавших только препятствия от правительства, приходило и селилось благополучно и богатело. А безземельные крестьяне, дворовые, солдатские дети? Все кормились и кормятся и в такие года, когда хлеб был такой же дорогой, как и теперь.

Разногласие о том, есть ли голод, или нет голода, и в каких размерах, – происходит от того, что за основание для определения положения крестьянина берут его имущественный бюджет, тогда как главные статьи бюджета его определяются не имуществом, а его трудом.

Для определения степени нужды, которой бы можно было руководствоваться при раздаче пособий, во всех земствах составлены по волостям подробные подворные списки о количестве душ, едоков, работников, наделов; о количестве посеянных различных хлебов и урожая, о количестве скотины, о среднем урожае и еще многое другое. Списки составлены с необыкновенною роскошью граф и подробностей. Но тот, кто знает обиход крестьянина, знает, что списки эти говорят очень мало. Думать то, что крестьянский двор наживает только то, что он получает с своей надельной земли, и проживает только то, что он проест, большая ошибка. В большинстве случаев то, что он получает с надельной земли, составляет только меньшую часть того, что он наживает. Главное богатство крестьянина в том, что зарабатывают он и его домашние, зарабатывают ли они это на наемной земле, или работая на помещика, или живя у чужих людей, или промыслами. Мужик и его домашние ведь всегда все работают. Обычное нам состояние физической праздности есть бедствие для мужика. Если у мужика нет работы всем членам его семьи, если он и его домашние едят, а не работают, то он считает, что совершается бедствие, в роде того как если бы из рассохшейся бочки уходило вино, и обыкновенно всеми средствами ищет и всегда находит средство предотвратить это бедствие – находит работу. В мужицкой семье все члены ее с детства до старости работают и зарабатывают. Мальчик 12-ти лет уже в подпасках или в работниках при лошадях, девочка прядет или вяжет чулки, варежки. Мужик в заработках или вдали, или дома, или на поденной, или берет работу сдельно у помещиков, или сам нанимает землю. Старик плетет лапти; это обычные заработки. Но есть и исключительные: мальчик водит слепых, девочка в няньках у богатого мужика, мальчик в мастеровых, мужик бьет кирпич или делает севалки, баба – повитуха, лекарка, брат слепой – подбирается, грамотный – читает псалтирь по мертвым, старик растирает табак, вдова тайно торгует водкой. Кроме того: у того сын в кучерах, кондукторах,

О голоде. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru

урядниках, у того дочь в горничных, няньках, у того дядя в монахах, приказчиках, и все эти родственники помогают и поддерживают двор. Из таких-то статей, не входящих в графы, составляется главный приход мужицкой семьи. Статьи расхода еще более разнообразны и далеко не ограничиваются пищей: подати казенные, земские, рекрута справить, орудия, кузнечная работа, сошники, шкворни, колеса, топоры, вилки, шорное, тележное, постройки, печь, одежда, обувка себе и ребятам, праздники, говеть себе и семейным, свадьба, крестины, похороны, лечение, гостинцы ребятам, табак, горшки, посуда, соль, деготь, керосин, богомолье. У каждого человека кроме того есть еще свои свойства характера, слабости, добродетели, пороки, которые стоят денег. В самом бедном дворе в пять-шесть душ обернется в год от 50 до 70 рублей, в богатом от 70-ти до 300-т, в среднем 100–120 рублей. И каждый хозяин может при небольшом усилии энергии сделать из этих 100 рублей дохода 150, а при ослаблении ее сделать из 100–50, при бережливости и порядке сделать из 100 рублей расхода 60, а при небрежности и слабости из ста рублей расхода – двести.

Беда в нынешнем году в том, что вследствие дороговизны хлеба больше людей нуждаются в заработках, хозяева по этой же причине уменьшают количество рабочих, и потому приход меньше, а расход при дорогой покупке хлеба неизбежно значительно больше. Так что всякому хозяину труднее увеличить приход и уменьшить расход. Но и при этих условиях степень нужды двора все-таки от не определяемых списками обстоятельств может увеличиться и уменьшиться на значительную величину.

Как же при этих условиях учесть бюджет мужика и решить вопрос о том, которым из них помогать и поскольку?

В земствах учреждены попечители, – лица, имеющие заведывать раздачей пособий по волостям. В одном из земств учреждены даже советы при попечителях, из священника, старшины, церковного старосты и двух уполномоченных, которые должны решать, кому сколько дать. Но советы эти ничего не помогут делу распределения, потому что по спискам, и по тому, что известно теперь о крестьянских семьях никак нельзя определить того, что с ними будет.

Чтобы правильно определить степень нужды крестьянина, нужны не списки, а надо призвать прорицателя, который предскажет, кто из мужиков и его домашних будет жив, здоров, будет жить в согласии с семьей, работать и найдет работу, кто будет воздержан и аккуратен, а кто будет болеть, ссориться и не найдет работы, поддастся соблазнам и увлечениям. Прорицателей таких нет, и узнать этого нельзя. Нельзя заранее узнать нуждающихся, и потому правильно распределить даровое пособие народу не то что трудно, но прямо невозможно.

Люди, мало думавшие об отношениях богатых к бедным, обыкновенно думают, что только бы богатые отдали бедным, или были бы принуждены отдать часть своего богатства, и всё будет прекрасно. Но это большая ошибка. Попробуйте раздавать деньги бедным в городе, да это и пробуют. И что же выходит?

Лет семь тому назад в Москве, по воле умершего купца, раздавали шесть тысяч по два рубля всем бедным. Набралась такая толпа, что двух задавили досмерти и большинство денег досталось здоровым золоторотцам, а бедным, слабым ничего не досталось.

То же самое происходит и произойдет в деревне и везде, где будут раздавать даром. Обыкновенно думают, что только бы было что раздавать, а раздать, распределить это уже легко. Положим, думают обыкновенно, что бывают злоупотребления, обманы, но для этого надо быть внимательным, позаботиться исследовать, и тогда можно отделить не нуждающихся и дать только истинно нуждающимся.

В этом-то и заблуждение! Существо дела таково, что этого нельзя сделать! Раздавать даровые пособия только нуждающимся – нельзя, потому что нет тех внешних признаков, по которым можно было бы определить нуждающегося, а самая раздача дарового вызывает самые дурные страсти, так что уничтожаются и те признаки, которые были.

Администрация и земства хлопочут о том, чтобы узнать истинно нуждающихся, все же мужики, и вовсе ненуждающиеся, узнав, что будет раздаваться даровое, стараются притворяться или даже сделаться нуждающимися, чтобы без труда получить пособие.

О голоде. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru

Веками, поколениями выработались в людях приемы приобретения богатств и средств к жизни и суждения о достоинстве различных приемов! Приобретать трудом хорошо, похвально, без труда – дурно, стыдно. И вдруг является способ приобретения без труда, не подлый и не имеющий в себе ничего предосудительного. Очевидно, какую путаницу в понятиях производит такое появление нового способа приобретения. И то, что раздача пособий крестьянам считается заимообразною, не изменяет дела: крестьяне знают, что отдачи не может быть.

Кроме того раздают даром; что это значит? Откуда у того, кто раздает, то, что он раздает? Очевидно, те миллионы рублей или пудов, которые находятся во власти раздавателей, приобретены ими не тем трудом, которым приобретаются крестьянами рубли и пуды хлеба, а более легким. «Нельзя ли и нам также приобрести эти рубли и пуды? Нельзя ли и нам принять участие в этих миллионах? И что значит для этих миллионов те десятки лишних рублей или пудов, которые перепадут мне бедному». Так невольно рассуждают люди при даровой раздаче, и такого рода рассуждения и вытекающая из них деятельность не только парализуют всю пользу раздачи той жадностью и теми обманами, которые она вызовет, но и главное тем отвлечением людей от самого главного и прочного средства приобретения – от труда. Раздача даровая несет в себе не только столько же зла, сколько она бы могла принести пользы, но больше: и в особенности среди сельского населения с его фантастическими представлениями о казне и с его разрастающимися, как комы снега, слухами.

Так что же? Не выдавать пособия, когда мрут с голода? Ведь в деревне, где нет хлеба до ноября и где нет работы, через неделю наступит несомненно настоящий голод для женщин, для старых и малых, да и для самих, может быть, и ленивых, и обманувшихся, но живых людей. Очевидно, нельзя не выдавать но если выдавать, то как же давать, кому давать?

Если давать всем поровну, как того требуют везде крестьяне, резонно говоря, что если отвечать круговой порукой, то надо, по крайней мере, выдавать всем поровну, чтобы было за что, то для того, чтобы при равномерной выдаче достало самым бедным на прокормление, потребуется такая сумма, которой, очевидно, нельзя найти. Если же выдавать всем помалу, то то, что достанется бедным, будет недостаточно для того, чтобы спасти их от гибели.

Если выдавать одним нуждающимся, то как отделить истинно нуждающихся от не истинно нуждающихся? Зажиточный мужик, обыкновенно нанимающий землю и кормящий этим свои 12 душ, теперь проедающий деньги, нужные ему на наем земли, проедающий потом семенной овес на арендную землю, нуждающийся он или нет? А если не нуждающийся, то нуждающийся ли тот, который если не получит пособия, первый заложит богачу свою яровую землю и проест семена и останется без овса на будущий год? А если и этот ненуждающийся, то нуждающийся ли тот, который проедает лошадей. И тот и другой и третий сбиты с обычного трудового хода жизни. И нельзя сказать, кто больше нуждающийся.

Главное же то, что чем больше будет даровое пособие, тем более ослабится энергия народа, а чем больше ослабится энергия народа, тем более увеличится нужда.

А не помогать нельзя.

В этом *circle vicieux* бьются администрация и земства.

V

И выхода из этого ложного круга действительно нет и не может быть, потому что дело, за которое взялись администрация и земство – дело невозможное. Ведь дело это состоит ни больше ни меньше, как в том, чтобы прокормить народ. Мы, господа, взялись за то, чтобы прокормить кормильца, – того, кто сам кормил и кормит нас.

Грудной ребенок хочет кормить свою кормилицу; паразит то растение, которым он питается! Мы, высшие классы, живущие все им, не могущие ступить шагу без него, мы его будем кормить! В самой этой затее есть что-то удивительно странное.

Детям дали лошадь – настоящую, живую лошадь, и они поехали кататься и веселиться. Ехали, ехали, гнали под гору, на гору. Добрая лошадка обливалась потом, задыхалась, везла, и всё везла, слушалась; а дети кричали, храбрились, хватались друг перед другом, кто лучше правит, и подгоняет, и скачет. И им казалось, как и всегда кажется, что когда скакала лошадка, что это они сами

О голоде. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
скакали, и они гордились своей скачкой.

Долго веселились дети, не думая о лошади, забыв о том, что она живет, трудиться и страдает, и если замечали, что она останавливается, то только сильнее взмахивали кнутом, стегали и кричали. Но всему есть конец, пришел конец и силам доброй лошади, и она, несмотря на кнут, стала останавливаться. Тут только дети вспомнили, что лошадь живая, и вспомнили, что лошадей кормят и поят, но детям не хотелось останавливаться, и они стали придумывать, как бы на ходу накормить лошадь. Они достали длинную палку и на конец ее привязали сено и, прямо с козел, на ходу, подносили это сено лошади. Кроме того, двое из детей, заметив, что лошадь шатается, стали поддерживать ее; и держали ее зад руками, чтобы она не завалилась ни направо, ни налево. Дети придумывали многое, но только не одно, что должно бы было им прежде всего прийти в голову, – то, чтобы слезть с лошади, перестать ехать на ней, и если они точно жалеют ее, отпрячь ее и дать ей свободу.

Разве не то же, что делали эти дети с везущей их лошадью, когда они гнали ее, делали и делают люди богатых классов с рабочим народом во все времена и до и после освобождения. И разве не то же, что делают дети, стараясь, не слезая с лошади накормить ее, делают люди общества, придумывая средства, не изменяя своего отношения к народу – прокормить его теперь, когда он слабеет и может отказаться везти?

Придумывают всё возможное, но только не одно то, что само просится в ум и в сердце: слезть с той лошади, которую ты жалеешь, перестать ехать на ней и погонять ее.

Народ голодает, и мы, высшие классы, очень озабочены этим и хотим помочь этому. И для этого мы заседаем, собираем комитеты, собираем деньги, покупаем хлеб и распределяем его народу.

Да отчего он и голоден? Неужели так трудно понять это? Неужели нужно или клеветать на него, как бессовестно делают одни, говоря, что народ беден оттого, что он ленив и пьяница; или обманывать самого себя, как делают другие, говоря, что народ беден только оттого, что мы не успели еще передать ему всей мудрости нашей культуры, а что мы вот с завтрашнего дня начнем, не утаивая ничего, передавать ему всю эту нашу мудрость, и тогда уж он перестанет быть беден; и потому нам нечего стыдиться того, что мы теперь живем на его шее, – всё это для его блага?

Нам, русским, это должно быть особенно понятно. Могут не видеть этого промышленные, торговые народы, кормящиеся колониями, как англичане. Благополучие богатых классов таких народов не находится в прямой зависимости от положения их рабочих. Но наша связь с народом так непосредственна, так очевидно то, что наше богатство обуславливается его бедностью, или его бедность нашим богатством, что нам нельзя не видеть, отчего он беден и голоден. А зная, отчего он голоден, нам очень легко найти средство насытить его.

Средство одно: не объедать его.

Неужели надо искать эти *midî à quatorze heures*,² когда так всё ясно и просто, особенно ясно и просто для самого народа, на шее которого мы сидим и едем? Ведь это детям можно воображать, что не лошадь их везет, а они сами едут посредством махания кнута, но нам-то, взрослым, можно, казалось бы, понять, откуда голод народа.

Народ голоден оттого, что мы слишком сыты.

Разве может не быть голоден народ, который в тех условиях, в которых он живет, то есть при тех податях, при том малоземельи, при той заброшенности и одичании, в котором его держат, должен производить всю ту страшную работу, результаты которой поглощают столицы, города и деревенские центры жизни богатых людей?

Все эти дворцы, театры, музеи, вся эта утварь, все эти богатства, – всё это выработано этим самым голодающим народом, который делает все эти ненужные для него дела только потому, что он этим кормится, т. е. всегда этой вынужденной работой спасает себя от постоянно висящей над ним голодной смерти. Таково его положение всегда.

Нынешний год только вследствие неурожая показал, что струна слишком натянута. Народ всегда держится нами впроголодь. Это наше средство, чтобы заставить его на нас работать. Нынешний же год проголодь эта оказалась слишком велика. Но нового, неожиданного ничего не случилось. И нам, кажется, можно знать, отчего народ голоден.

Заботы общества теперь о помощи народу в беде голода подобны заботам учредителей Красного Креста на войне. Энергия одних на войне направляется на калечение и убийство людей, других – на то, чтобы помогать калеченным и убиваемым. Всё это хорошо, пока деятельность войны и также деятельность истощения народа, угнетения его – считаются нормальными. Но как скоро мы начинаем утверждать, что мы жалеем людей, убиваемых на войне, и людей голодающих, то не проще ли не убивать людей и не учреждать и средств лечения их? Не проще ли перестать губить благосостояние народа, чем, губя его, делать вид, что мы озабочены его благосостоянием?

В последние 30 лет сделалось модой между наиболее заметными людьми русского общества исповедовать любовь к народу, к меньшому брату, как это принято называть. Люди эти уверяют себя и других, что они очень озабочены народом и любят его. Но всё это неправда. Между людьми нашего общества и народом нет никакой любви и не может быть.

Между людьми нашего общества – чистыми господами в крахмаленных рубашках, чиновниками, помещиками, коммерсантами, офицерами, учеными, художниками и мужиками нет никакой другой связи, кроме той, что мужики, работники, hands, как это выражают англичане, нужны нам, чтобы работать на нас.

Зачем скрывать то, что мы все знаем, что между нами, господами, и мужиками лежит пропасть? Есть господа и мужики, черный народ. Одни уважаемы, другие презираемы, и между теми и другими нет соединения. Господа никогда не женятся на мужичках, не выдают за мужиков своих дочерей, господа не общаются как знакомые с мужиками, не едят вместе, не сидят даже рядом; господа говорят рабочим ты, рабочие говорят господам вы. Одних пускают в чистые места и вперед в соборы, других не пускают и толкают в шею; одних секут, других не секут.

Это две различные касты. Хотя переход из одной в другую и возможен, но до тех пор, пока переход не совершился, разделение существует самое резкое, и между господином и мужиком такая же пропасть, как между кшетрием и париём.

Вольтер говорил, что если бы возможно было, пожав шишечку в Париже, этим пожатием убить мандарина в Китае, то редкий парижанин лишил бы себя этого удовольствия.

Отчего же не говорить правду? Если бы, пожавши пуговку в Москве или Петербурге, этим пожатием можно было убить мужика в Царевококшайском уезде и никто бы не узнал про это, я думаю, что нашлось бы мало людей из нашего сословия, которые воздержались бы от пожатия пуговки, если б это могло им доставить хоть малейшее удовольствие.

И это не предположение только. Подтверждением этого служит вся русская жизнь, всё то, что не переставая происходит по всей России.

Разве теперь, когда люди, как говорят, мрут от голода, помещики, купцы, вообще богачи изменили свою жизнь, перестали требовать от народа для удовлетворения своих прихотей губительного для него труда, разве перестали богачи убирать свои палаты, есть дорогие обеды, обгоняться на своих рысаках, ездить на охоты, наряжаться в свои наряды? Разве теперь богачи не сидят с своими запасами хлеба, ожидая еще больших повышений цен, разве фабриканты не сбивают цен с работы? Разве чиновники перестают получать жалование, собираемое с голодных? Разве все интеллигентные люди не продолжают жить по городам – для своих, послушаешь их, самых возвышенных целей, пожирая там, в городах, эти свозимые для них туда средства жизни, от отсутствия которых мрет народ?

Зачем обманывать себя? Народ нужен нам только как орудие. И выгоды наши (сколько бы мы ни говорили противное) всегда диаметрально противоположны выгодам народа. Чем больше мне дадут жалованья и пенсии, говорит чиновник, т. е. чем больше возьмут с народа, тем мне лучше. Чем дороже я продам хлеб и все нужные предметы народу и чем ему будет труднее, тем мне будет лучше, – говорит и купец и

О голоде. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
землевладелец. Чем меньше я дам работы народу, заменив ее машинами, и чем дороже продам ему свой товар, тем я больше наживу, – говорит фабрикант. Чем дешевле будет работа, т. е. чем беднее будет народ, тем мне лучше, – говорят все люди богатых классов. Какое же у нас может быть сочувствие народу? Между нами и народом нет иной связи, кроме той, что мы тянем за одну и ту же палку, но каждый к себе. Чем лучше мне, тем хуже ему, – чем хуже ему, тем лучше мне. Как же нам при таких условиях помогать народу!

И потому, если человек нашего общества действительно хочет служить народу, то первое, что ему нужно сделать, это ясно понять свое отношение к нему. Когда ничего не предпринимается, то ложь, оставаясь ложью, не особенно вредна. Но когда, как теперь, люди хотят служить народу, то первое и главное, что нужно, это откинуть ложь, ясно понять свое отношение к нему.

Поняв же свое истинное отношение к народу, состоящее в том, что мы живем им, что бедность его происходит от нашего богатства и голод его – от нашей сытости, мы не можем начать служить ему иначе, как тем, чтобы перестать делать то, что вредит ему. Если мы точно жалеем лошадь, на которой мы едем, то мы прежде всего слезем с нее и пойдем своими ногами.

Поняв свое отношение к народу, желая служить ему, первое, что мы сделаем, будет неизбежно то, что мы постараемся rendre gorge,³ воздать народу то, что мы отобрали от него, второе будет, что мы перестанем отбирать от него то, что отбираем, и, в-третьих, то, что постараемся, изменив свою жизнь, разорвать кастовую черту, разделяющую нас от народа.

Спасает людей от всяких бедствий, в том числе и от голода, только любовь. Любовь же не может ограничиваться словами, а всегда выражается делами. Дела же любви по отношению к голодным состоят в том, чтобы отдать из двух кусков и из двух одежд голодному, как это сказано не Христом даже, а Иоанном Крестителем, т. е. в жертве.

Для того же, чтобы быть в состоянии это сделать, надо прежде всего видеть холодного и голодного, стать в прямые отношения с ним, разрушить те преграды, которые отделяли нас от него.

Я не говорю, что всякий, кто хочет принести помощь голодающим, должен непременно поехать и поселиться в холодной избе, жить во вшах, питаться хлебом с лебедой и умереть через два месяца или две недели, и что всякий, кто не делает этого, тот не приносит никакой помощи. Я не это говорю – я говорю, что поступить так, именно так, жить и умереть вместе с теми, которые будут умирать через два месяца или две недели, было бы очень хорошо – так же хорошо, как прожить и умереть так, как умер Damien у прокаженных. Но я не говорю, что всякий должен и может это сделать, и что тот, кто не сделает всего этого, ничего не сделал. Я говорю то, что, чем ближе к этому поступит человек, тем будет лучше для него и для других, но что сделает хорошо всякий, кто хотя сколько-нибудь приблизится к этому идеалу.

Есть два предела: один тот, чтобы отдать свою жизнь за други своя; другой тот, чтобы жить, не изменяя условий своей жизни. Между этими двумя пределами находятся все люди: одни на степени учеников Христа, оставивших всё и пошедших за ним, другие на степени богатого юноши, тотчас же отвернувшегося и ушедшего, когда ему сказано было об изменении жизни.

Между этими двумя пределами находятся различные Закхеи, отчасти только изменяющие свою жизнь.

Но для того, чтобы быть Закхеем, надо не переставая стремиться к первому пределу, надо знать и помнить, что идеал, к которому следует стремиться, не состоит в том, чтобы, продолжая жить барской жизнью, приобретать и распространять как можно больше знаний, которые каким-то таинственным, непонятным путем окажутся когда-то полезными народу, но прямо и просто уменьшать свои требования, удовлетворяемые трудом народа, и прямо и просто сейчас сблизиться с ним и по мере сил своих служить ему.

Прокормится ли, не прокормится народ, весь народ, я не знаю, скажет себе человек, ставший на эту точку зрения, и не могу знать: завтра может сделаться мор или нашествие, от которого и без голода помрет народ, или завтра же

О голоде. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru

откроется новое питательное вещество, которое прокормит всех, или, что проще всего, я умру завтра и ничего не узнаю о том, прокормился или не прокормился народ. Главное же то, что меня никто не приставлял к делу прокормления сорока миллионов живущего в таких-то пределах народа, и я, очевидно, не могу достигнуть внешней цели прокормления и избавления от несчастий таких-то людей, а приставлен я к своей душе, к тому, чтобы свою жизнь провести как можно ближе к тому, что мне указывает моя совесть.

Совесть же моя говорит мне, что я виноват перед народом, что постигшая его беда отчасти от меня и что потому мне нельзя продолжать жить, как я жил, а надо изменить свою жизнь, как можно больше сблизиться с народом и служить ему.

И удивительное дело, стоит человеку отвернуться от задачи разрешения внешних вопросов и поставить себе единый, истинный, свойственный человеку внутренний вопрос: как мне прожить наилучшим образом в этот год тяжелого испытания – чтобы все те общие вопросы получили разрешение.

Общая правительственная деятельность, задаваясь внешней целью – прокормить и поддержать благосостояние сорока миллионов людей, встречается на своем пути непреодолимые препятствия. 1) Определить степень предстоящей нужды для населения, могущего проявить в этом поддержании себя наибольшую энергию и совершенную апатию, – нет никакой возможности. 2) Если допустить, что определение это возможно, то количество требуемых сумм так велико, что нет никакого вероятия приобрести их. 3) Если допустить, что суммы эти будут найдены, то даровая раздача денег и хлеба населению ослабит энергию и самостоятельность народа, более всего другого могущую поддержать в нынешнее тяжелое время его благосостояние. 4) Если и допустить, что раздача будет производиться так, что не ослабит самостоятельности народа, то нет возможности правильно распределить пособия, и ненуждающиеся захватят долю нуждающихся, из которых большинство все-таки останется без помощи и погибнет.

Только деятельность, имеющая внутреннюю цель для души, всегда соединенная с жертвой, только такая деятельность устраняет все препятствия, мешавшие деятельности правительственной с внешней целью.

Это та деятельность, которая заставляет в нынешнем голодном году в голодной местности, что я видел не раз, крестьянку, хозяйку дома, при словах: «Христа ради», слышных под окном, пожалеть, поморщиться и потом все-таки достать с полки последнюю, начатую ковригу и отрезать от нее с пол-ладони кусочек и, перекрестившись, подать его.

Для этой деятельности не существует первого препятствия – невозможности определения степени нужды нуждающегося: «Просят Христа ради Маврины сироты». Она знает, что им взять негде, и подает.

Не существует и второго препятствия – огромности количества нуждающихся: нуждающиеся всегда были и есть, вопрос только в том, сколько я своих сил могу им отдать. Подающей милостыню хозяйке не нужно рассчитывать того, сколько миллионов голодающих в России. Для нее один вопрос: как пустить нож по ковриге, – потоньше или потолще? Но тонко ли, толсто ли, она подает и твердо, несомненно знает, что если каждый от себя оторвет, то всем достанет, сколько бы их ни было.

Третье препятствие еще меньше существует для хозяйки. Она не боится того, что подача этого ломтика ослабит энергию Мавриных ребят и поощрит их к праздности и попрошайничеству, потому что она знает, что и эти ребята понимают, как дорог ей ломоть, который она отрезает им.

Нет и четвертого препятствия. Хозяйке нет нужды заботиться о том, правда ли нужно подать тем, которые стоят теперь под окошком, и нет ли других более нуждающихся, которым бы надо отдать этот ломоть. Ей жалко Мавриных ребят, она и дает им, и знает, что если все друг дружку жалеть будут, то всем хорошо будет и нынешний год и всегда и в России и во всем мире.

Вот эта-то деятельность, имея только внутреннюю цель, всегда спасала, спасает и теперь спасет людей. Вот эта-то деятельность должна быть усвоена людьми, желающими в нынешнее, трудное время служить другим людям.

Спасает эта деятельность людей потому, что она есть то зерно, мельчайшее из

О голоде. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
всех, которое вырастает в величайшее дерево.

Так ничтожно то, что могут сделать один, два человека, десятки людей, живя в деревне среди голодных и по силам помогая им. Очень мало. Но вот что я видел в свою поездку. Шли ребята из-под Москвы, где они были в пастухах. И один заболел и отстал от товарищей. Он часов пять просидел и пролежал на краю дороги, и десятки мужиков прошли мимо его. В обед ехал мужик с картофелем и расспросил малого и, узнав, что он болен, пожалел его и привез в деревню.

Кто это? Кого привез Аким? – Аким рассказал, что малый болен, отошал, не ел два дня. Малого посадили у избы, до старосты. Подошла одна баба, принесла картошек, другая пирожка, третья молока. – Ах, сердечный, отошал! Как не пожалеть? Свое детище. И тот самый малый, мимо которого, несмотря на его жалкий вид, проходили, не пожалев его, десятки людей, стал всем жалок, всем дорог, потому что один пожалел его.

Тем-то и важна любовная деятельность, что она заразительна. Деятельность общая, правительственная, выражающаяся в теперешних обстоятельствах даровой раздачей, по расписаниям и спискам, хлеба и денег, вызывает самые дурные чувства: жадность, зависть, притворство, осуждение; деятельность личная вызывает, напротив, лучшие чувства, любовь и желание жертвы. «Я работал, трудился – мне ничего, а лентяя, пьяницу награждать. Кто же ему велел пропивать? Поделом вору и мука», – говорит богатый и средний мужик, которым не дают пособий. С неменьшей злобой говорит бедняк про богача, требующего равную долю. «Мы и бедны-то от них – от богачей. Они нас сосут, а им еще давай нашу долю; он и так гладок» и т. п. Такие чувства вызывает раздача дарового пособия. Но, напротив, увидит один, как другой поделился последним, потрудился для несчастного, и ему хочется сделать то же. В этом сила любовной деятельности. Сила в том, что она заразительна, а как скоро она заразительна, то распространению ее нет пределов.

Как одна свеча зажигает другую, и одной свечой зажигаются тысячи, так и одно сердце зажигает другое, и зажигаются тысячи. Миллионы рублей богачей сделают меньше, чем сделают хоть небольшое уменьшение жадности и увеличение любви в массе людей. Только бы увеличилась любовь – сделается то чудо, которое совершилось при раздаче 5 хлебов. Все насытятся, и еще останется.

И сделать это чудо могут не те люди, которые с гордым сознанием своей необходимости народу, не изменяя своего отношения к нему, будут изыскивать общие средства прокормления 32-х миллионов, а только те, которые, сознав свою вину перед народом в угнетении его и отделении себя от него, с смирением и покаянием постараются, соединившись с ним, разделить с ним и его беду нынешнего года.

Деятельность эта практически представляется мне такую: человек из общества, желающий в тяжелый нынешний год принять участие в общем бедствии, приезжает в одну из пострадавших от неурожая местностей и начинает там жить, проживая там на месте, в Мамадышском, Лукояновском, Ефремовском уездах в голодной деревне, те обычные десятки тысяч, тысячи или сотни рублей, которые он проживает ежегодно и посвящая свой досуг, употребляемый им в городах на увеселения, на ту деятельность на пользу голодного народа, какая ему будет по силам. Уже одно то, что он будет жить там и проживет там то, что он проживает обыкновенно в городе, принесет материальную помощь народу; а то, что он будет жить среди этого народа, даже не с самоотвержением, но только с бескорытием, уже принесет нравственную пользу ему и народу. Очевидно, человек, приехавший в голодную местность для того, чтобы быть полезным народу, не может ограничиться тем, чтобы только жить в свое удовольствие среди голодного населения. Я представляю себе такого человека, мужчину или женщину или семью с средними средствами, положим с тысячью рублями в год, переехавшего так в неурожайную местность.

Лицо это или семья нанимает или получает от знакомых помещиков помещение, или выбирает, нанимает избу, устраивается в ней сообразно своим требованиям и способностям к перенесению неудобств жизни, заготавливает дрова, провизию, заводит лошадь, корм и т. п. Всё это хлеб народу; но этим не могут ограничиться отношения этой семьи или этого лица к народу. На кухню придут сейчас же нищие с суммами. Надо подать. Кухарка жалуется, что хлеба выходит много. Надо или отказывать в кусочках, или печь лишние хлебы. Стали печь лишние хлебы, народу стало ходить больше. Из семьи, где хлеб дошел и есть нечего, пришли попросить, надо и туда дать. Оказывается, что своя кухарка не управляется и печь мала. Надо нанять избу для хлебов и нанять особую кухарку. Это стоит денег. Денег нет. У

О голоде. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
поселившегося лица есть друзья, знакомые, которые знают, что он или она уехали в неурожайный уезд. Ему или ей присылают денег люди, знающие его, и дело продолжается, принимает соответствующие нужде формы, растет.

Мне кажется, что столовые, – места, где кормят проходящих, – эта та форма помощи, которая сама собою сложится из отношений богатых людей к голодающим и принесет наибольшую пользу. Форма эта более всего вызывает прямую деятельность помогающего, более всего сближает его с населением, менее всего подлежит злоупотреблениям, дает возможность при меньших средствах прокормить наибольшее число людей, а главное, обеспечивает общество от того страшного, висящего над нами всеми Дамоклова меча, – мысли о том, что вот-вот, пока мы живем по-старому, здесь, там умер человек от голода.

Если бы такие столовые распространились везде в голодающих местностях, ужасная, угнетающая нашу совесть угроза была бы устранена.

В Данковском и Епифанском уездах с сентября открылись такие столовые. Народ дал им название «сиротских призрений», и, как кажется, самое название это предотвращает злоупотребление этими учреждениями. Здоровый мужик, имеющий хоть какую-нибудь возможность прокормиться, сам не пойдет в эти столовые обедать сирот, да и, сколько я наблюдал, считает это стыдом. Вот письмо, полученное мною от моего приятеля, земского деятеля и постоянного деревенского жителя, о деятельности этих сиротских призрений:

«Шесть сиротских призрений открыто не более десяти дней, и уже питается в них около 200 человек. Заведующий столовыми, с совета сельского старосты, уже принужден допускать едоков с разбором, так много представляется нуждающихся. Оказывается, что кормятся крестьяне не семьями, а что нуждающиеся семьи выставляют своих кандидатов – почти исключительно старух и детей. Так, например, отец шести человек детей – в дер. Пашкове – просил допустить двух из них, а затем через два дня привел еще третьего. Староста говорил, что «особливо хорошо поглядеть, как помлаже ребятишки свекольник полюбили». Тот же староста мне рассказывал, что иногда матери сами приводят своих детей, «слыгаются, что это для смелости, а оглядится, да и сама поест». Когда слышишь эти слова старосты, то понимаешь, что это не ложь и что придумать их нельзя; ужели голод еще не наступил? Мы, конечно знаем, что зверь у порога; но беда в том, что этот зверь одновременно врывается во столько семей, что не хватит, пожалуй, наших запасов. Учет показал, что в день выходит на едока 1 1/2 ф. хлеба и 1 ф. картофеля, но сверх того потребно топливо да всякая мелочь: лук, соль, свекла и т. д. Более же всего затрудняет топливо, оно представляет собою наиболее дорогой материал. Крестьяне установили очередные подводы, чтоб ездить за припасами. Организация требует распорядительного человека, и хлопотлива хозяйственная заготовка припасов; самые же сиротские призрения не нуждаются в надзоре за расходом припасов: сама хозяйка так привыкла жить век крохами, да к тому же все посетители так следят за оборотами своей столовой, что малейшая небрежность – и она моментально бы огласилась, а затем и устранилась бы сама собой. У меня вырыто новых два подвала и в них засыпано уже 300 четвертей картофеля, но всего этого мало, так как требования растут ежедневно. Кажется, что помощь попала в самую надлежащую точку. Человек над шестью столовыми поставлен, но время расширить круг деятельности столовых и срок еще не пропущен.

Чую, насколько отрадна для молодого поколения будет работа в столовых; ведь испытываешь наслаждение, поливая в засуху растения; каково же должно быть упоение ежедневно кормить голодных малышей!»

Больших подробностей о деятельности этих учреждений я пока не знаю. Думаю, что эта форма удобная и возможная, но эта форма не исключает все другие. Живущие по деревням лица, как только они вступят в близкое и непосредственное общение с народом, найдут новые, соответствующие нужде формы помощи, которые могут быть до бесконечности разнообразны.

Нужно только, чтобы были люди. А люди эти есть, наверное есть. Я был в 4-х уездах, и в каждом уезде есть уже люди, готовые на эту деятельность и в некоторых начавшие ее.

Лев Толстой.

ПЛАНЫ И ВАРИАНТЫ

О ГОЛОДЕ

* № 1 (План статьи. Из черновых материалов).

1. Описание положения.

2. Упреки бездеятельности несправедливы. Деятельность земства.

3. Но достигнет ли она результатов? <Нет.> Ответ труден, главное п[отому], ч[то] самый голод и степень его – спорный вопрос.

4. Pro и contra теоретически.

5. Действительность. Харибда и Сцилла.

6. Задача распределения невозможная.

7. Не достигнет главного – не предупредит смертей.

8. Что же делать? Сказать правду, перестать лгать. Признать свое равнодушие. Вольтер.

9. А если есть равнодушие – есть вина, то, не заботясь о народе, исправить вину.

10. Исправление вины спасет.

Что именно делать. <Писать.> Жить.

<11> 12. Последствия какие могут быть.

* № 2 (рук. № 6).

<Если говорить правду, а в серьезном деле нельзя не говорить правду, результаты, достигнутые до сих пор деятельностью правительства и общества, очень малы и неудовлетворительны. До сих пор сделано было одно дело: выдача семян на обсеменение. Не стану говорить про другие губернии, но сколько можно судить по доходящим до нас известиям, выдача эта не достигла цели, но скажу о том, как сделано было это дело в Тульской губернии. У нас, смело можно сказать, что обсеменились крестьяне своими семенами. Выдано же было или слишком мало, в большинстве случаев по три меры, где нужно было восемь, выдано было поздно; так что крестьяне везде раздобылись на семена.> В некоторых же и многих местах семена выданы были без надобности людям, которые не нуждались в них, так что во многих уездах семена эти продавались иб пропивались, <так что земский начальник в одном уезде решил закрыть кабак, в котором происходила эта продажа> так что можно сказать, что успех этого дела далеко не соответствовал тому труду, который был положен на него.

А между тем работа земства для приобретения этих семян, закупка, доставка, раздача их, была огромная. Деятельность земства, насколько я знаю, была самая внимательная и напряженная, и если последствия были не плодотворны и малоплодотворны, то вина в этом – не отсутствие труда и заботы. Добыть деньги, исполнить все нужные для этого формальности, закупить по дешевым ценам, привезть, сыпать, сделать списки, распределить, раздать, хотя бы по 3 пуда на душу нуждающимся уезда, то 100, 150 тысяч душ есть дело сложное и трудное и сделано оно было везде с величайшим вниманием, усердием, и скажу даже, самоотвержением; но если результаты ничтожны, то виною трудность самого дела при том отношении к народу, в котором находится к нему правительство и земство.

* № 3 (рук. № 6).

Если говорить правду, то как администрация, так и земства по отношению к этому делу народного продовольствия до сих пор не знают, что и как они будут делать, или скорее знают, что они ничего не в состоянии будут сделать. Они хлопочут, но с неуверенностью, почти с уверенностью, что из их хлопот почти ничего не выйдет.

* № 4 (рук. № 1).

Нищета же в этой деревне, положение построек (половина деревни сгорела прошлого года), одежд женщин и детей и отсутствие всякого хлеба, кроме как у двух дворов, ужасно. Большею частью испекли последний раз хлебы с лебедой и доедают их – осталось на неделю или около того.

Назначить продовольствие, обеспечить людей, сделать то, чтобы эта масса народа,

О голоде. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
40, ну хоть 1/2 –20 м[иллионов] навалилась на руки правительству и земству, было бы ужасно. Это не только не спасло, но погубило бы народ, отняв от него главное средство помощи – самодеятельность. Ни правительство, ни земство не выдержало бы этого, и вся помощь пропала бы даром. Ведь это нечто подобное тому, что происходит с кормом скотины. Кормите ранней весной скотину на стойле, т. е. лишите ее движения и возможности самой собирать корм – и вам понадобятся страшные усилия, чтобы собрать с пастбищ корм, нужный для нее. Но дайте ей возможность самой участвовать в труде собирания корма, и она легко насытится.

Прокормить то огромное количество народа, который бедствует, теперь может только сам народ. Если неурожай сделал то, что народ имеет меньше средств для прокормления себя и ему надо прийти на помощь, то все-таки большая, главная доля питания может быть припасена самим народом. Степень энергии, которая может быть приложена народом в години бедствий, неисчислима, она огромна. Образцом этого могут служить пожары. Кто из деревенских жителей не видал последствий пожаров и деятельности крестьян для исправления своих потерь и результаты этой деятельности. Кажется, всё сгорело – ничего не осталось и не с чего потянуть. Смотришь: оттуда, отсюда – трудом, займом, помощью родных понемногу восстанавливается и через год-два мужик обстроился и обзавелся лучше прежнего.

Степень растяжимости энергии в години бедствий огромна, и потому страшно уменьшить эту энергию и заменить ее апатией. А помощь извне делает это. И потому страшно назначать пособие, но еще страшнее не назначать его. Ведь можно рассуждать о проявлении энергии во время бедствий, можно желать проявления ее, но рассчитывать на нее нельзя. Ведь данные тут перед глазами. Стоит пройти, учитывая каждый двор, одну деревню, чтобы убедиться, что люди, без проявления каких-то особенных сил, не могут прожить до новины, а должны побираться или голодать и умирать с голода. Вот деревня Крапивенского уезда. Дворов 57, из них в 15-ти хлеба и картофеля, рассчитывая на проданный овес купить ржи, хватит средним числом до ноября. Овса многие совсем не сеяли за неимением семян прошлого года. 20 дворам хватит до февраля. Все едят очень дурной хлеб с лебедой. Остальные прокормятся.

Кроме недостатка пищи, бедствие составляет отсутствие топлива. Соломы немного, оставлена на корм. Изрубили всё, что могли. Дров нужно по ценам, там существующим, рублей на 12, 15 на двор. С этой деревни собрано в сентябре 400 р. податей. Бедные, не сеявшие овса, преимущественно пьяницы, есть даже известные как воры, остальные слабые физически или духовно, те, к[оторые] при лучших условиях не выдерживали борьбы за существование, теперь уже вовсе не могут выдержать ее.

Что будут делать эти семьи? как будут кормиться их жены, старики, дети? Как не выдавать им на прокормление?

Крапивенский уезд меньше пострадал, но вот деревня Богородицкого уезда. Здесь положение хуже, ровнее. Из 60 дворов 30 совсем бедных.

* № 5 (рук. № 1).

Средств во всей деревне, если даже и богатых присоединить ко всем остальным, нехватит и на половину зимы; кроме того, люди эти опустились, отчаялись и не протянут своих средств даже и на половину того времени, на к[оторое] они могли бы протянуть их. Если они ничего не предпримут, то погибнут. Условия, в которых они находятся, среда, те богатые люди, к[оторые] окружают их, не придут, не могут прийти им на помощь. Если эти богатые люди берут с них теперь по 5 руб. ботовья картофельные с десятины, к[оторые] никогда не продавались и не имели цены, то очевидно, что помощи от этих людей быть не может.

* № 6 (рук. № 7).

Но вопрос в том, предпримут ли они что, или нет. До сих пор похоже, что нет, только один из них распродал всё и уезжает в Москву. Остальные чего-то ждут. Прощел между ними нелепый слух, что всех кормить будут, и они положились на это. И их может постичь страшная беда. Всех таких деревень ведь, может быть, тысячи; кормить их подряд всех не будут, это невозможно, и если сами они не озаботятся о себе, то они погибнут.

* № 7 (рук. № 2).

На прокормление всего голодающего населения нужно бы затратить весь доход государства. И потому четвертая часть 40-а миллионов всего пострадавшего, т. е.

О голоде. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru
10 миллионов людей, должны неизбежно умереть голодной смертью. 10 миллионов людей, т. е. количество населения России за 200 лет назад. Должен умереть целый народ.

* № 8 (рук. № 6).

<Мы, господа, озабочены тем, чтобы прокормить народ, тот народ, который всегда кормил себя и нас. Мы, господа, паразиты народа, кормящиеся на народе, задалась задачей прокормить его, спасти, облагодетельствовать его. Что-то тут не так. Мы как будто совсем уже забыли, кто мы. Путаница в том, что мы задалась невозможной задачей прокормить кормильца. Прокормить его нельзя.>

№ 9 (рук. № 7).

Удивительное дело: грудной ребенок хочет кормить свою кормилицу; паразит собирается кормить то растение, которым он питается; мы, высшие классы, живущие все им, не могущие ступить шагу без него, мы его будем кормить.

Хорошо, что он не верит нам! Если бы он, избави бог, поверил тому, что кто-то его будет кормить, и перестал бы сам кормиться и кормить нас, то ведь он погиб бы и мы с ним!

* № 10 (рук. № 2).

Народ начинает волноваться, отбивать запасы хлеба, задерживать их, направлять, куда он хочет, и даже рассыпать.

Распродается и отдается задаром весь скот и сжигаются постройки на топливо, мужики сами поджигают свои дворы, чтобы получить страховые. Уже были случаи голодной смерти.

* № 11 (рук. № 3).

У каждой семьи этих дворов от 3-х до 8 человек, которые хотят есть и не будут иметь, по всем вероятностям, ни пищи, ни топлива. В обыкновенный год они прокормились бы около других, но в нынешний год, когда богатый уже ест хлеб с лебедой, семьи эти ожидает тяжелая, страшная участь. Очевидно, что им надобно помочь. Но тут собственно не помощь голодающим, а помощь разоренным крестьянам, которая стала особенно нужна в нынешний голодный год.

Нет, нельзя говорить, что нет голода, есть голод.

№ 12 (рук. № 5).

Здесь [в деревне Богородицкого уезда] положение бедствующих уже в прежние года, не сеявших овес, опустившихся дворов еще хуже. Здесь доедают уже последнее. Уже теперь нечего есть, и в одной деревне, к[оторую] я осматривал, половина дворов уехала на лошадах в даль побираться. Точно так же у богатых, составляющих везде около 20 %, много овса и других ресурсов, но кроме того в этой деревне живут безземельные солдатские дети. Целая слободка этих жителей не имеет земли и всегда бедствует, теперь же находится при дорогом хлебе и при скупой подаче милостыни в страшной, ужасающей нищете.

Из избышки, около которой мы остановились, вышла оборванная грязная женщина и подошла к кучке чего-то, лежащего на выгоне и покрытого разорванным и просетившимся везде кафтаном. Это один из ее 5-х детей. Трехлетняя девочка больна в сильнейшем жару чем-то в роде инфлуэнцы. Не то что об лечении нет речи, но нет другой пищи, кроме корок хлеба, которые мать принесла вчера, бросив детей и сбегав с сумкой за побором. И нет более удобного места для больной, как здесь на выгоне в конце сентября, потому что в избышке с разваленной печью хаос и ребята. Муж этой женщины ушел с весны и не воротился. Таковы приблизительно многие из этих семей.

Но и у наделенных землей крестьян, принадлежащих к разряду опустившихся, не лучше.

№ 13 (рук. № 7).

В таком положении не она одна, а домов восемь. И в таком положении они были и прошлого и третьего года, и в таком положении не они одни, а вокруг нас всегда людей в таком положении миллионы. В таком положении всегда все семьи слабых, пьющих людей, все семьи сидящих по острогам, часто семьи солдат.

Такое положение только легче переносится в хорошие года. Всегда и в урожайные

О голоде. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
годы бабы ходили и ходят по лесам украдкой, под угрозами побоев и острога, таскать топливо, чтобы согреть своих холодных детей, и собирали и собирают от бедняков кусочки, чтобы прокормить своих заброшенных, умирающих без пищи детей.

Всегда это было! Мы среди этого живем. В нынешний неурожайный год положение это не хуже, потому что хуже того, чтобы у матери без помощи умирали дети, ничего ведь не может быть, но в нынешний год только больше «этого худого».

№ 14 (рук. № 5).

<Сочтите все богатства, сосредоточенные в столицах, – в Петербурге, в Москве, в губернских городах, да тут же, среди голодных, в великолепных домах помещиков со всей роскошью европейской жизни, с садами, цветниками, лаун-теннисами, охотами, конными заводами, экипажами, туалетами – и подумайте только о том, кто всё это сделал и делает.> Все эти дворцы, театры, музеи, вся эта утварь, все эти богатства, всё это выработано этим самым голодающим народом, который делает все эти ненужные для него дела только потому, что он этим кормится, т. е. всегда этой вынужденной работой спасает себя от голодной смерти.

№ 15 (рук. № 5).

Нам, взрослым, если мы не сумасшедшие, можно, казалось бы, понять, откуда голод народа.

Прежде всего он – и это знает всякий мужик – он 1) от малоземелья, оттого, что 7/10 половина земли у помещиков и купцов, которые торгуют и землями и хлебом.

2) от фабрик и заводов с теми законами, при которых ограждается капиталист, но не ограждается рабочий.⁸

3) от водки, которая составляет главный доход государства и к которой приучили народ веками.

4) от солдатчины, отбирающей от него лучших людей в лучшую пору и развращающей их.

5) от чиновников, угнетающих народ.

6) от податей.

7) от невежества, в котором его сознательно поддерживают правительственные и церковные школы.

№ 16 (Из письма к Н. Я. Гроту от 23 октября 1891 г.).

[Народ] голоден, потому что мы слишком сыты.

Нам, русским, это должно быть особенно понятно. Могут не видеть этого промышленные, торговые народы, кормящиеся колониями, как англичане. Благополучие богатых классов таких народов не находится в прямой зависимости от положения их рабочих. Но наша связь с народом так непосредственна, так очевидна, что наше богатство обуславливается его бедностью или его бедность нашим богатством, что нам нельзя не видеть, отчего он беден и голоден.

* № 17 (рук. № 7).

Всё дело в распределении. Если есть бедный, то всегда только потому, что распределение, производимое законами о приобретении собственности, труде и отношениях сословий, неправильно; и потому, чтобы исправить это неправильное распределение, надо устроить иное. Взять же у богатых и бросить это в сторону бедных не значит сделать новое распределение, а значит – сделать только большую путаницу в старом распределении.

Как бы хорошо и просто было разрешить вопросы роскоши и нищеты тем простым средством, чтобы взять немного у богатых и поделить бедным.

Так бы это хорошо было и просто!

Я сам когда-то думал, что это так.

Но, не к несчастью, а к счастью, это не так.

О голоде. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
Казалось бы, маленькое неудобство, – но никак нельзя обойти его, нельзя распределить.

* № 18 (рук. № 5).

Газеты и журналы с чрезвычайным пафосом описывают совершающееся и имеющее совершиться бедствие, <и общество относится к нему совершенно равнодушно. Это факт, который нельзя отрицать> все друг друга укоряют в равнодушии, и все остаются совершенно равнодушны. Жизнь людей общества не подвергается никаким изменениям и продолжает течь по-старому.

В самых голодных местностях, у помещиков среди голодных деревень те же сады, цветы, прогулки, катанья, охоты. Ни в какой год я не видал столько охотников, разъезжающих с сотнями собак по голодным деревням, как в нынешнем.

Люди остаются вполне равнодушны. Я говорю про огромное большинство. Исключения только подтверждают правило.

И я не говорю этого в осудительном смысле, а говорю просто то, что есть.

* № 19 (рук. № 2).

В нашем обществе лет 30 тому назад появилось нечто в роде не моды, но непрестан[ного?] требования приличия, состоящего в исповедании любви к меньшему брату, т. е. к народу. Считается, что всякий должен любить и уважать народ, всегда говорить не только с сочувствием к самому народу, сколько, главное, к его эксплуататорам, к кулакам, к Разуваевым и Колупаевым, считая, что кулаки такие всегда живут по деревням, торгуют вином и хлебом и носят рубашку навыпуск, чего мы не делаем. Только редкие люди русского интеллигентного общества⁹ не признают этого исповедания, прямо говоря, что они к народу никаких чувств не имеют, кроме желанья, чтобы мужик работал.

Люди такого рода постоянно укоряют других за несочувствие к народу и вследствие того, что они укоряют других, они сами убеждаются в своем сочувствии. Я 30 лет ругаю людей за несочувствие народу. Какого же еще доказательства, что я сочувствую ему?

Это–то приличие сочувствия к народу и есть та ложь, распространенная в нашем обществе, к[оторая] и производит то странное явление всеобщего исповедания любви к народу и совершенного равнодушия к нему во время страшного постигшего его бедствия. Сочувствия этого к народу в нашем интеллигентном обществе нет и не может быть, потому что вся жизнь интеллигентного общества построена так, что для удовлетворения потребностей их жизни необходима бедность и нужда народа. Для того, чтобы существовали все предметы потребления от табаку, спичек и белого хлеба до зеркал, бронзы и железных дорог, необходимо, чтобы люди были так бедны, чтобы губили свои жизни на этих работах.

Большинство людей нашего времени считает приличным исповедывать любовь к меньшему брату, и так как все они обманывают себя и друг друга, то обман этот и не разоблачается: каждый не обличает другого, чтобы его не обличили, и обман укореняется. Все люди нашего общества смело говорят про свою любовь к народу, к меньшему брату, а между тем этой любви нет и не может быть.

№ 20 (рук. № 7).

Мы уверяем себя и других, что мы очень озабочены голодом, что мы встревожены положением русского народа, что мы готовы на всякие жертвы, а между тем нашей жизнью показываем, что всё это одни слова и что мы лжем, говоря это, смело лжем, потому что ложь эта сделалась условною, общею всем лжью. И никто не изобличает один другого, чтобы его не изобличили.

Если свести вместе то, что писалось и пишется в газетах о теперешнем положении русского народа, то получится приблизительно следующее: сорок миллионов русских людей голодают и помочь этой беде почти нет возможности. Хлеба в России, если даже допустить, что весь тот хлеб, который есть, попадет голодным, чего допустить невозможно, – хлеба все-таки неостанет одной четвертой той части, которая нужна для прокормления всех голодающих.

Купить и привезти из-за границы требуемый хлеб так, чтобы он пришел к нам по доступным ценам, мало вероятней, и потому четвертая часть сорока миллионов, т. е. десять миллионов, людей находятся в опасности голодной смерти.

Голодные смерти, по сведениям газет и слухам, уже начались. Были такие случаи, что матери приводили детей в волостные правления и бросали их там, говоря, что им нечем кормить их.

Рассказывают про мать, которая убилась со своими детьми; другая повесилась, чтобы не видеть умирающих детей. Описывают трех детей, умерших от голода. Во многих местах люди болеют, пухнут от голода, распространяется повальный голодный тиф, теперь, в теплое осеннее время. Что же будет зимою, когда наступят холода в тех местах, где топят обыкновенно соломой, которой нет в нынешнем году, и в которых дров нельзя достать ближе 100, 150 верст?

Мы все читаем это, или если не читаем, то неизбежно слышим это, из приличия пожимаем плечами, вздыхаем, делаем маленькие жертвы деньгами, говорим: «да, ужасно!» и продолжаем нашу обычную жизнь.

Если и есть люди и учреждения, которые жертвуют деньги, и если есть другие, служащие в администрации и земстве, которые заняты делом продовольствия нуждающихся, скупают хлеб, продают его по удешевленным ценам, делают списки дворов и т. п., то все-таки, несмотря на денежные жертвы, которые делают некоторые, и на заботы служащих о продовольствии, общество наше, т. е. все люди, и жертвующие и не жертвующие, и служащие и не служащие, остаются, несмотря на взаимные обвинения друг друга в равнодушии, совершенно спокойны и равнодушны к совершающемуся и предстоящему, по предположениям, – страшному, никем не отрицаемому бедствию.

Я говорю, что общество остается совершенно равнодушно к предстоящему бедствию, не потому, что мне так кажется и хочется так говорить, а потому, что есть всем известный и несомненный признак равнодушия, который теперь отсутствует в русском обществе.

Только тогда мы все знаем, что человек равнодушен и истинно сочувствует совершившемуся или имеющему совершиться, когда известие это изменяет его жизнь: когда он перестанет делать то, что делал, есть, как он ел, спать, как он спал, жить, как он жил. Тем более признак этот равнодушия или равнодушия относится к событию еще не совершившемуся, а только угрожающему.

Если человек, за обедом получив известие о том, что человек тонет в реке подле его дома, продолжая обедать, делает распоряжение о том, чтобы выдать веревку, которая нужна для спасения тонущего, то, что бы он ни говорил о своем сочувствии тонущему, мы не верим ему и знаем, что он равнодушен к совершающемуся событию. Такое равнодушие царствует в нашем обществе теперь к тому бедствию, которое описывают и предсказывают газеты. Люди, продолжая обедать, показывают свое сочувствие тем, что не жалеют ни времени, потраченного на распоряжения о веревке, ни самой веревки. Жизнь людей нашего общества продолжает свое обычное течение: те же концерты, театры, – если нет балов, то только благодаря примеру государя, – те же обеды, наряды, скачки, лошади, экипажи, охоты, выставки, цветы, романы и т. д. Жизнь нисколько не изменилась и не подогнулась под существующее бедствие, а напротив, голод подогнут под общее течение жизни, голод fait les frais de la conversation¹⁰ в гостиных, наполняет столбцы газет и составляет интересный сюжет корреспонденций, служит поводом к устройству базаров, театров, концертов, сборников. Не только жизнь не изменилась, чтобы служить голоду, но голод сделался нужною частью жизни; голод занял то место современного модного предмета увлечения, которое всегда нужно чем-нибудь наполнить. И это не может быть иначе: голод касается не нас, а, как нам представляется, людей совершенно чуждых нам, связанных с нами только отвлеченным представлением, что они и мы – русские.

* № 21 (рук. № 1).

Вольтер говорит, что если бы возможно было, пожав шишечку в Париже, этим пожатием убить мандарина в Китае, то редкий человек лишил бы себя этого удовольствия. И он прав.¹¹ И мы все знаем, что в этом кажущемся шуточном афоризме есть глубокая правда. Мы знаем, что парижанин не воздержится от пожатия пуговки для забавы, потому что между ним и китайцем нет ни духовной связи сознания братства, ни материальной связи воздействия вида страдания умирающего мандарина.

* № 22 (рук. № 1).

О голоде. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru

И точно так же как редкий парижанин, по мнению Вольтера, мог бы воздержаться от пожатия пуговки, убивающей мандарина, так редкий господин может воздержаться от убивания этих чуждых ему существ для удовлетворенья своих похотей и прихотей. И это не шутка, как шутка Вольтера, а факт, огромный факт, повторявшийся веками и с меньшей, если не с большей очевидностью повторяющийся последние 30 лет, после так называемого освобождения.

Есть господа и рабы. И господа не пожимают пуговки, а устраивают свои всякого рода потехи, стоящие жизни рабочих.

№ 23 (рук. № 7).

И это я говорю не потому, что это мне так вздумалось говорить неприятности богатым русским людям, к которым я принадлежу, а потому, что это так есть. Доказательством и подтверждением этого служит вся русская жизнь, всё то, что не переставая происходит во всей России. Все богатые русские люди не переставая пожимают шишечку и даже не для удовольствия интересного эксперимента, а для самых ничтожных целей.

Не говоря о фабричных поколениях, гибнущих на нелепой, мучительной и развращающей работе фабрик для удовольствия богатых, всё земледельческое население, или огромная часть его, не имея земли, чтобы кормиться, вынуждено к страшному напряжению работы, губящей их духовные и физические силы, только для того, чтобы господа могли увеличивать свою роскошь. Всё население спаивается, эксплуатируется торговцами для этой же цели. Народонаселение вырождается, дети преждевременно умирают, всё для того, чтобы богачи-господа и купцы жили своей отдельной господской жизнью, с своими дворцами и музеями, обедами и концертами, лошадьми, экипажами, лекциями и т. п.

* № 24 (рук. № 2).

Между человеком нашего богатого круга, господином и теми миллионами мужиков земледельцев, из которых теперь 40 миллионов собираются умирать с голода, если говорить правду, нет никакой другой связи, кроме зависимости интересов.

Если мы хотим что-нибудь делать, то надо прежде всего говорить правду. Для того, чтобы лечить болезнь, надо прежде всего понять и определить ее, а не обманывать себя и других. А правда в том, что между большинством русских богатых людей и мужиками такое же отношение, как между вольтеровским парижанином и мандарином. Различие только в том, что китаец не может выйти из терпения и рассердиться и отомстить парижанину, и его бояться нечего; русские же мужики могут как-нибудь выйти из терпения и повиновения и рассердиться. И еще то, что парижанин живет своими средствами совершенно независимо от мандарина, а русские либералы, хотя и стараются скрыть это от самих себя и забыть, живут теми самыми мужиками, которые теперь находятся в опасности голодной смерти.

Так что дать умереть мужику значит дать умереть курице, несущей золотые яйца.

* № 25 (рук. № 5).

Между человеком нашего богатого круга, господином в крахмальной рубашке, чиновником, помещиком, коммерсантом, офицером, ученым, художником и мужиком, если говорить правду, так же мало связи, как между парижанином и китайцем. Различие только в том, что парижанин не исповедует любви к китайцу, а русский цивилизованный человек считает условием приличия исповедывать эту любовь к мужику, называя его при этом меньшим братом. И еще то, что парижанин живет своими средствами совершенно независимо от мандарина, а русские господа, хотя и стараются уверить себя, что они очень нужны мужикам, знают очень хорошо, что живут только этими чуждыми для них мужиками.

* № 26 (рук. № 5).

Все богатые русские люди, не переставая, пожимают такие шишечки и даже не для удовольствия интересного эксперимента, а для самых ничтожных целей, для того, чтобы построить дом роскошнее соседа, для того, чтобы объехать и обскакать соперников на лошадях, для того, чтобы делать балы, наряды, делать всё то, что всем самим уже давным-давно скучно. Я не говорю метафор и преувеличений, а прямо утверждаю, что связи между богатыми людьми нашего общества и рабочим народом так же мало, как между парижанином и мандарином, и что богатый человек не пожалеет убить рабочего человека для своего удовольствия, если только он не будет видеть этого, и имею основание утверждать это потому, что это самое не переставая происходит на всем огромном протяжении русской земли.

Нельзя скрывать того, что режет глаза всякому. Между господами – теми, к[оторых] полиция пропускает в чистые места, и теми, к[оторых] не пропускают – мужиками – лежит пропасть.

Страница черновой рукописи статьи «О голоде».

№ 27 (рук. № 7).

Между нами и народом нет иной связи, кроме враждебной, господина и раба. Чем лучше мне, тем хуже ему. Чем лучше ему, тем хуже мне. И при этих-то условиях мы вдруг стали уверять себя и других, что мы очень желаем вывести его из того состояния бедности, в которое мы сами поставили его и которое нужно нам.

Вот эта-то условная ложь, принимаемая всеми за правду, и составляет причину страшной путаницы понятий у людей нашего круга, обсуждающих теперешнее бедственное положение народа.

№ 28 (рук. № 7).

Разве теперь, когда люди, как говорят, мрут с голода, помещики, купцы, вообще богачи не сидят с запасами хлеба, ожидая еще большего повышения цен? Разве они не сбивают цен с работы? Разве чиновники перестают получать жалование, собираемое с голодных? Разве все эти интеллигентные люди не продолжают жить по городам для своих, слушаешь их, самых возвышенных целей, – пожирая там, в городах, эти, свозимые для них туда, средства жизни, от отсутствия которых мрет народ?

Все интересы каждого из господ: ученые, служебные, художественные, семейные – такие, которые не имеют ничего общего с жизнью народа. Народ не понимает господ, а господа, хотя и думают, что понимают народ, не понимают его, потому что его интересы не только не одинаковы с господскими, но всегда прямо противоположны им.

* № 29 (рук. № 1).

Отношение же наше – господ к народу – то, что мы высасываем его кровь и живем им и потому настоящей деятельной любви к нему никакой не имеем и иметь не можем, а отчасти боимся его, отчасти же боимся потерять тот рабочий скот, которым мы живем. И поняв это действительное свое отношение к народу, люди могут поступить двояким образом. Первое, не изменяя существующего отношения, постараться сделать безопасным для себя народное возбуждение, происходящее от голода, и сохранить как можно больше той рабочей силы, к[оторая] нас кормит, или, поняв всю жестокость, бесчеловечность, антихристианство, всю гадость и подлость того отношения, в к[отором] мы находимся к народу, покаяться в своем грехе и грехе наших предков, с начала до конца изменить это отношение, разорвать кастовую черту, разделяющую нас от народа.

* № 30 (рук. № 2).

...Люди нашего общества, действительно искренно сочувствующие народному бедствию, могут двумя путями помочь ему. Первый состоит в том, чтобы, не изменяя своего отношения к народу, господ к рабам, эксплуататоров к эксплуатируемым, позаботиться о том, чтобы те рабочие руки, hands, как называют англичане, не погибли бы и были в состоянии и впредь на нас работать и для этой цели на время rendre gorge,¹³ возратить народу то, что мы постоянно отнимаем от него, заняться распределением этого – и другой путь, тот, чтобы покаяться в своем грехе и грехе наших предков и разорвать кастовую черту, разделяющую нас от народа и как не только к равным, но к лучшим нашим братьям, таким, перед которыми мы давно виноваты, прийти к ним с раскаянием, смирением и любовью.

Первая деятельность начата и ведется, как мы видим, с большой энергией и малым успехом. Остается вторая, которая есть изменение своего отношения к народу, к бедным, покаяние в грехе отцов и своем, смирение и само собой вытекающее из покаяния и смирения всё спасающее, всего достигающее, всё побеждающее чувство деятельной любви, выражающейся делами и изменением жизни.

Только посредством такой деятельности устраняются все те затруднения, к[оторые] стоят на пути первой, общей правительственной деятельности, и казавшееся

О голоде. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
невозможным делается легким и возможным. Только с точки зрения кастового деления господ, правителей, представляются прежде столь смущавшие цифры 40 000 000 населения и миллионы пудов хлеба и столь неразрешимые вопросы, откуда их взять, и самый главный неразрешимый вопрос, как распределить и как сделать так, чтобы выдача этого пособия не ослабила бы самостоятельность народа.

Стоит только каждому отдельному богатому человеку перестать считать себя особым существом, а признать свое братство с мужиком, для того чтобы вопросы о прокормлении сорока миллионов населения и о нужном для этого количестве хлеба, о закупке в Америке, фрахтах, элеваторах, варантах, суррогатах и т. п. заменились бы вопросом о том, как мне прожить этот тяжелый не для народа, а для нас с братьями год. Как наилучшим образом употребить на пользу братьев то, что люди считают моим, и, главное, мои силы, мою деятельность, которая действительно принадлежит мне.

* № 31 (Из черновых материалов).

Первая деятельность уже началась и ведется, как мы видели, с большой энергией и с малым успехом. Малый успех происходит преимущественно оттого, что к делу предъявляются ложные требования. Люди делают одно дело, а требуют от себя и от других таких результатов, которые не могут быть достигнуты этим делом. Правительственная и земская и <даже> общественная деятельность может иметь целью только поддержание податной и рабочей силы. Продолжая прежнее сравнение, люди, озабоченные тем, чтобы ехать, могут желать переменить лошадей или покормить их настолько, чтоб они могли везти дальше, но никак не могут в одно [и] то же время быть озабочены благосостоянием везущих их лошадей. И потому, если люди озабочены тем, чтобы сохранить платежную и рабочую силу, то так надо и знать, и говорить, и делать, а не притворяться, что деятельность наша имеет целью сострадание, и желание избавить людей от лишений и страданий.

<Деятельность первого рода, правительственная и земская, имеет целью сохранить рабочую и податную единицу, и цель эта может быть отчасти достигнута, если правительство выдаст на прокормление народа хоть крошечную часть того, что оно в продолжение веков собирало с народа.>

Правительственная и общественная деятельность может внести опять назад в крестьянство малую, крошечную часть тех богатств, к[оторые] постоянно всеми самыми различными средствами отбираются от него, и этим может отчасти помочь некоторым платежным и рабочим единицам удержаться на той степени, к[оторая] нужна обществу для его целей; но ни исправить общего упадка населения, ни избавить самых низко упавших из них от болезни и голодной смерти правительственная и общественная деятельность, не изменив своего отношения к народу, никак не может.

* № 32 (рук. № 1).

Мало того, что любовь нужна для деятельности частной помощи, она необходима и для деятельности общеправительственной, земской, для того, чтобы она была плодотворна. Только в той мере, в которой деятели эти будут проникаться любовью, в той мере, в которой изменят свою жизнь, отдадутся все делу, предстоящему им, только в той мере они и достигнут чего-либо. И сколько я видел, это свойство есть в деятелях земства и оттого деятельность их была до сих пор успешна. Но деятельность их по самому существу своему не может проникнуть до самой главной цели – спасти людей от голодной смерти. Для этой цели нужна частная деятельность, и вот к этой деятельности, к переселению на нынешнюю зиму в деревню и устройству вокруг себя помощи, хорошо бы было, если бы обратились свободные люди.

* № 33 (рук. № 7).

Вот эта-то деятельность, имея только внутреннюю цель, всегда спасала, спасает и теперь спасет людей.

Вот эта-то деятельность должна быть усвоена людьми, желающими в нынешнее трудное время служить другим людям.

Деятельность эта требует прежде всего прекращения противного любви кастового отношения к народу, эксплуатации его и требует прямого общения с ним, изменения, упрощения жизни, – требует жизни вместе с ним, с тем народом, которому мы хотим служить.

№ 34 (рук. № 7).

Помощь людям может быть только жертвой.

Таков закон. Желать без жертвы сделать добро – всё равно, что желать двинуть тело без затраты сил.

Внешняя правительственная деятельность на пользу голодающих есть деятельность без жертвы и оттого ее неуспешность до сих пор – и по моему мнению, да и по мнению самих деятелей, невозможность успеха, не говоря о том, что препятствия этой деятельности составляют, как мы видели, невозможность определения степени нужды людей, ослабление энергии самого народа и невозможность такого распределения, при котором помощь доставалась бы самим нуждающимся.

Невыгода этой деятельности состоит еще и в том, что на помощь от правительства люди смотрят всегда как на свое, законное, на которое имеют право, как на увеличение дохода, и при получении ее разгорается соревнование приобретения. Все получающие эти пособия видят только лиц, раздающих не свои деньги и получающих за это жалованье, и такая раздача развивает в них только жадность к наибольшему приобретению.

Если люди в голодающей местности, – люди всякие, от тех, которые стоят на низшей ступени нищеты, до богачей, живущих в уезде, и все срединные люди – помещики, крупные, мелкие, должностные лица, купцы, дворники, мельники, богатые и средние крестьяне, видят, как они это видят теперь, всех людей занятых и особенно горячо занятых приобретением и увеличением средств к жизни, – купцов и помещиков, торгующих дорогим хлебом, дровами, плетьюми картофельными, пользующихся всем, чтоб увеличить свои доходы, и рядом с этим продолжающих свой обыкновенный круг жизни, с охотами, поездками в город и празднованиями, то всякий заражается тою же эгоистическою жизнью и старается из всего, что он может, в том числе из помощи, выдаваемой людям, захватить как можно больше и дать от себя помощь как можно меньше.

Эгоистическая жизнь и гоньба за выгодами заразительна. Но так же и еще более заразительна и неэгоистическая, а любовная деятельность – деятельность жертвы.

И всякий центр людей, живущих только для помощи страдающим, изменивших свою жизнь для этого, будет центром заразы добра. Глядя на этих людей, даст больше и живущий в уезде богач, и помещик, и купец, и мужик, и богатый, и главное – средний, которых тысячи, из которых каждый отрежет побольше ломоть Христа ради. А этих ломтей миллионы, и миллионы рублей богача сделают меньше, чем сделает хоть небольшое уменьшение жадности и увеличение любви в людях. А как скоро делается зараза жертвы, так делается то, что совершилось при раздаче пяти хлебов.

Все насытятся, и еще останется.

Но чтобы сделалось это, чтобы появилась любовь, необходимо, чтобы деятельность вытекала не из желания, оставаясь в прежнем отношении к народу, поддержать в нем нужные нам рабочие силы, а из сознания своей вины перед народом, угнетения его и отделения себя от него, из покаяния и смирения.

Не на гордом сознании своей необходимости народу, а на смирении только может вырасти деятельность, которая может спасти народ.

1892.

* № 35 (рук. № 2).

Повторю сущность того, что я хотел сказать.

<1.> Та помощь, с которой приходят к народу правительство и земство, недостаточна и вредна. С одной стороны, эта помощь не может быть правильно распределена, с другой – она развращает народ и лишает его главного – силы самостоятельности.

2. Происходит это оттого, что мы неверно понимаем наши отношения к народу. Мы считаем, что мы любим народ и готовы служить ему, тогда как мы только пользуемся его трудом и презираем его.

<4> 3. Чтобы помогать народу, надо понять этот свой грех и покаяться в нем.

<5> 4. Покаяться же значит разрушить сколько возможно все преграды, отделяющие нас от него, и сблизиться с ним.

5. И потому для того, чтобы помогать нынешний год голодающим, первое, что нужно сделать, – это поселиться среди голодающих и служить им по мере сил.

<7. Это может сделать любовное сближение с народом.>

8. форма этого сближения может быть разнообразна по силам, привычкам, средствам людей, но всё – от обеда вместе с голодными до устройств столовых – всё будет удовлетворять той цели, которая естественно ставится перед людьми – не дать умереть или заболеть с голода тем людям, среди которых я живу и которые могут прямо обратиться ко мне.

9. Только такая деятельность, если бы хотя сотая доля тех людей, которые могут это сделать, сделали это, спасла бы всех людей, находящихся в опасности голода.

10. <Деятельность правительства и земства может быть полезна, но только в той мере, в которой она будет проникнута сознанием своей вины перед народом и желанием искупить ее.

Л. Толстой>

2 октября

1891.

Нельзя мешкать, потому что не ждут одинаково и голод голодных, уходящая жизнь каждого из нас, нынче могущая оборваться среди жизни не только не одобряемой, но отрицаемой нашей совестью.

Комментарии А. И. Опульского

«О ГОЛОДЕ»

ИСТОРИЯ ПИСАНИЯ И ПЕЧАТАНИЯ

Среди голодовок, периодически повторявшихся в дореволюционной России, голод 1891–1893 гг. был исключительный. Бедствие, чрезвычайное по силе и размерам, охватило почти половину губерний.

Уже летом 1891 г. газеты пестрели сообщениями о голодающих, в городах говорили о помощи, необходимости «служить меньшому брату», придумывали и обсуждали проекты.

Толстой был встревожен надвигающимся народным бедствием. Но он не мог признать правильным путь мелких подачек народу, так как понимал, что причина голода не в неурожае 1891 г., а во всей системе несправедливого эксплуататорского строя. «Неужели люди, теперь живущие на шее других, не поймут сами, что этого не должно, и не слезут добровольно, а дождутся того, что их скинут и раздавят?» – записывает он в Дневнике 13 сентября.¹⁵

Однако Толстому, проповеднику религиозно–нравственных истин, кажется, что самое главное в это тяжелое время, как и всегда – «вызывать... в людях любовь друг к другу»,¹⁶ а когда восторжествует всеобщая любовь, то богатые поделятся с бедными, сытые с голодными, так как «нельзя любить и не накормить».¹⁷ Н. С. Лескову, спросившему Толстого, что нужно делать в связи с голодом, он ответил, что необходимо написать «то, что тронуло бы сердца богатых».¹⁸ А для этого прежде всего нужно было знать, видеть своими глазами действительное положение народа.

С этой целью осенью 1891 г. Толстой объезжает ряд деревень Богородицкого, Ефремовского, Епифанского уездов Тульской губ. и Данковского уезда Рязанской губ.

На следующий день по возвращении из этих поездок Толстой начал статью «О голоде».

«Начал писать статью о голоде, но не кончил и боюсь испортить»,¹⁹ – сообщает Толстой жене 27 сентября. Как свидетельствуют рукописи и письма этого времени,

О голоде. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
работа над статьей шла с трудом. «...Начал писать статью о голоде. Я ездил в некоторые уезды. Не знаю, что выйдет. Когда что-либо выйдет, тогда напишу вам»,²⁰ – сообщил Толстой 6 октября В. Г. Черткову. О том же писал он 8 октября П. Г. Хохлову: «Я затеял писать статью о голоде; но до сих пор ничего не выходит». ²¹ В других письмах Толстой говорит, почему медленно идет работа над статьей. «...Затеял писать статью о голоде и об отношении к этому общества, да никак не совладаю с ней. Слишком многое хочется сказать и не могу свести всего к одному центру». ²² «Пишу теперь о голоде. Но выходит совсем не о голоде, а о нашем грехе разделения с братьями. И статья разрастается, очень занимает меня и становится нецензурною». ²³ «Я ездил с Тан[ей] и М[ашей] порознь в самые голодные места нашей губ[ернии] и хотел написать о том, что по этому случаю пришло мне в голову. Вы верно догадываетесь, – пишет Толстой П. И. Бирюкову, – что наш грех разъединения с братьями – касты интеллигентов: и чем дальше пишу, тем более кажется нужным то, что пишу, и тем менее цензурно». ²⁴

Над статьей Толстой работал до середины октября и 15 октября, как об этом записывает в своем дневнике С. А. Толстая, отослал ее Н. Я. Гроту для опубликования в журнале «Вопросы философии и психологии».

Предполагалось, что статья будет напечатана в ноябрьской книжке журнала, и 20 октября Н. Я. Грот привез Толстому корректуру. Весь следующий день Толстой работал над корректурой и передал, исправив ее, Н. Я. Гроту. Но после отъезда Н. Я. Грота он наметил в статье ряд изъятий и дополнений, о которых сообщил Гроту в письмах 22 и 23 октября.

Хотя Толстой и продолжал работать над статьей, он не был уверен, что цензура ее пропустит. «Я написал статью о голоде, кот[орую] отдал в Вопросы филос[офии] и психологии. Боюсь, что не пропустят»,²⁵ – писал он 23 октября И. В. Великанову.

26 октября, почти совершенно уверившись в том, что статью «О голоде» цензура не пропустит, Толстой сообщает жене о своем намерении написать новую статью на эту тему, а первую переделать так, чтобы получилось «добрее», и в связи с этим замечает, что чрезвычайно трудно одновременно «быть правдивым и добрым». ²⁶

24 октября ноябрьская книжка «Вопросов философии и психологии» была арестована и статья Толстого отправлена в Главное управление по делам печати – в Петерб[ург], в цензуру, и, вероятно, запретят»,²⁷ – как писал Толстой жене 29 октября.

Толстой не был доволен статьей «О голоде» – «поспешной и потому нехорошей»,²⁸ кроме того, ему казалось теперь, что «надо б[ыло] глубже взять вопрос». ²⁹

Поэтому время рассмотрения статьи в цензуре Толстой решил использовать для ее доработки. «Пришлите, пожалуйста, и поскорее корректуры»,³⁰ – просит он Н. Я. Грота 27 октября, а 5 ноября уже возвращает корректуры, исправив их и настоятельно прося внести поправки, если статья будет печататься. ³¹ Одновременно Толстой просит жену просмотреть в корректурах новые поправки. ³²

4 ноября уехавший в Петербург Н. Я. Грот уведомил С. А. Толстую телеграммой, что статья «О голоде» пропущена цензурой с небольшими сокращениями и смягчениями. Сообщая 9 ноября В. Г. Черткову о работе над статьей «О средствах помощи голодающим», Толстой упоминает, что статья «О голоде» «кажется выйдет».

Однако в середине ноября Толстой, не получая сведений о своей статье, начал тревожиться. 17 ноября он писал Н. Я. Гроту: «Что ваша книга и наши статьи? Как вы живете? Боюсь, что замучились и раздражились с хлопотами в цензуре». ³³ 23 ноября, рассказывая И. Б. Файнерману о своей деятельности в голодных губерниях, Толстой писал: «Я начал с того, что написал статью по случаю голода, в к[оторой] высказывал главную мысль ту, что всё произошло от нашего греха отделения себя от братьев и порабощения их и что спасенье и поправка делу одна: покаяние, т. е. изменение жизни, разрушение стены между нами и народом, возвращение ему похищенного и сближение, слияние с ним невольное вследствие отречения от преимуществ насилия. С статьей этой, к[оторую] я отдал в «Вопросы психологии», Грот возился месяц и теперь возится. Ее и смягчали, и пропускали, и не пропускали, кончилось тем, что ее до сих пор нет». ³⁴

Между тем Н. Я. Грот сообщил 17 ноября С. А. Толстой, что Главное управление по делам печати разослало редакторам всех газет приказ, запрещающий публиковать

О голоде. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
статьи Толстого.³⁵ Узнав, что «статья... окончательно запрещена»,³⁶ Толстой уведомил об этом 25 ноября В. Г. Черткова, а жене одновременно писал: «Статью мою, Гротовскую, пожалуйста, возьми в последней редакции без смягчений, но с теми прибавками, кот[орые] я просил Грота внести, и вели переписать, и пошли в Петербург Ганзену и Диллону, и в Париж Гальперину. Пускай там напечатают; оттуда перейдет и сюда, газеты перепечатают».³⁷

Повидимому, в это же время Толстой попытался опубликовать статью в «Книжках Недели». Во всяком случае рукопись статьи находилась и у П. А. Гайдебурова и именно через него, а не через Грота, была послана за границу для перевода. Для «Книжек Недели» Толстой вновь правил статью по имевшимся у него корректурам «Вопросов философии и психологии», значительно изменив ее композиционно, стилистически, а также имея в виду цензуру. 25 декабря он писал Э. Диллону: «Боюсь, что статья от Гайдебурова будет передана вам в очень необработанном виде. Я столько раз переделывал ее и потом столько к ней делалось изменений для цензуры, что я никак не мог ее привести в окончательный вид. Там должны быть повторения и неловкие обороты. Вы меня очень обяжете, исключив из нее в переводе всё, что найдете лишним».³⁸

14 января 1892 г. Э. Диллон опубликовал в английской газете «Daily Telegraph» перевод статьи «О голоде», озаглавив его «Почему голодают русские крестьяне», а 22 января «Московские ведомости» вышли с редакционной статьей, в которой приводились выдержки (последние строки IV главы и почти вся V глава) из статьи, опубликованной Диллоном в обратном переводе с английского. «Московские ведомости» снабдили выдержки из статьи таким «комментарием»: «Письма гр. Толстого... являются открытой пропагандой к ниспровержению всего существующего во всем мире социального и экономического строя. Пропаганда графа есть пропаганда самого крайнего, самого разнузданного социализма, перед которым бледнеет даже наша подпольная пропаганда».

Статья Толстого вызвала смятение в правительственных кругах.³⁹ «Первое впечатление в Москве – это общий крик и стон о «Московских ведомостях», – сообщала С. А. Толстая 4 февраля – ...Пришел... Грот, он больше всех хлопотал в Петербурге, и очень умно. Носил гранки, с которых переводил Диллон, к Плеве, показывал о смысле, как поднимется народ: эта фраза всех с ума свела, и ее никто не понял, а он всем толковал».⁴⁰

Обо всем, что происходило в столицах, Толстой знал и из писем Н. Я. Грота и А. А. Толстой. В ответных письмах он всячески подчеркивал, что толкам о статье не стоит придавать значения, так как все, что он писал в ней, – правда, да и не впервые им высказанная. «Вчера получил твое письмо, – писал Толстой жене 9 февраля, – обо всех толках по случаю статьи М[осковских] В[едомостей]. – Всё это пройдет и забудется, и чем скорее, тем лучше».⁴¹

А тремя неделями позже, получив письмо А. А. Толстой, он подробно высказывает жене свое отношение к поднятому вокруг статьи шуму: «Я по письму милой Александры Андреевны вижу, что у них тон тот, что я в чем-то провинился и мне надо перед кем-то оправдываться. Этот тон надо не допускать. Я пишу, что думаю, и то, что не может нравиться ни правительству, ни богатым классам, уже 12 лет, и пишу не нечаянно, а сознательно, и не только оправдываться в этом не намерен, но надеюсь, что те, которые желают, чтобы я оправдывался, постараются хоть не оправдаться, а очиститься от того, в чем не я, а вся жизнь их обвиняет.

В частном же этом случае происходит следующее: Правительство устраивает цензуру, нелепую, незаконную, мешающую появляться мыслям людей в их настоящем свете, невольно происходит то, что вещи эти в искаженном виде являются за границей. Правительство приходит в волнение и вместо того, чтобы открыто, честно разобрать дело, опять прячется за цензуру, и вместе чем-то обижается и позволяет себе обвинять еще других, а не себя. То же, что я писал в статье о голоде, есть часть того, что я 12 лет на все лады пишу и говорю и буду говорить до самой смерти и что говорит со мной всё, что есть просвещенного и честного во всем мире, что говорит сердце каждого неиспорченного человека, и что говорит христианство, которое исповедуют те, которые ужасаются. Пожалуйста, не принимай тона обвиненной. Это совершенная перестановка ролей. Можно молчать. Если же не молчать, то можно только обвинять, не Московские Ведомости, которые вовсе не интересны, а те условия жизни, при которых возможно всё то, что возможно у нас... Заметь при этом, что есть мои писания в 10 000 экземпляров на разных языках, в которых изложены мои взгляды. И вдруг по каким-то таинственным

О голоде. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
письмам, появившимся в английских газетах, все вдруг поняли, что я за птица!
Ведь это смешно. Только те невежественные люди, из которых самые невежественные
это те, что составляет двор, могут не знать того, что я писал, и думать, что
такие взгляды, как мои, могут в один день вдруг перемениться и сделаться
революционными. Всё это смешно. И рассуждать с такими людьми для меня и
унизительно, и оскорбительно».42

Посылая 12 февраля, по настоянию Софьи Андреевны, письмо в «Правительственный
вестник» об искажениях вследствие двукратного перевода в тексте статьи,
напечатанном в «Московских ведомостях», Толстой писал: «Как мне жаль, милый
друг, что тебя так тревожат глупые толки о статьях Московских Ведомостей, и что
ты ездила к Сергею Александровичу. – Ничего ведь не случилось нового. То, что
мною написано в статье о голоде, [писалось] много раз, в гораздо более сильных
выражениях. Что ж тут нового? Это всё дело толпы, гипнотизация толпы...
пожалуйста, мой друг, ни одного слова не изменяй и не прибавляй, и даже не
позволяй изменить. Всякое слово я обдумал внимательно и сказал всю правду и
только правду...»43

В «Книжках Недели», куда Толстой послал текст статьи «О голоде» очень
переделанным, сглаженным сравнительно с тем, который предназначался для
«Вопросов философии и психологии», статья появилась в январском номере за 1892
г. (стр. 7–36) под заглавием «Помощь голодным». Так как опубликованный
«Московскими ведомостями» текст был весьма неполон и, кроме того, имел
искажения, вызванные небрежным и тенденциозным отношением редакции к статье, а
также ошибки, обусловленные двукратным переводом, текст, опубликованный
«Книжками Недели», надо считать первым русским изданием статьи.

Однако текст, изданный «Книжками Недели», весьма отличался от текста,
предназначавшегося для «Вопросов философии и психологии»: статья была изменена
поправками Толстого, имеющими характер автоцензуры, и поправками самой цензуры
(I, V и значительная часть последней главы отсутствовали вообще, отсутствовал
также и ряд мест других глав).

Текст статьи, подготовленный для «Вопросов философии и психологии», впервые был
опубликован под произвольным заглавием «Письма о голоде» в издании М. К.
Элпидина в Женеве, в четвертом сборнике «Спелые колосья» (1896).

Таким образом, при жизни Толстого статья «О голоде» увидела свет в двух весьма
отличающихся один от другого вариантах и даже с разными заглавиями, причем ни
одно из них не было авторским.

При дальнейших изданиях статьи перепечатывался текст как того, так и другого
варианта. Были случаи и контаминаций. (Например, текст, опубликованный в
сборнике «Лев Толстой и голод» – Нижний Новгород, 1912, в основном повторяет
издание 1896 г., но отличается от него – если не считать явных ошибок набора –
введением двух отрывков, опубликованных в 1892 г. в «Книжках Недели» в статье
«Помощь голодным».)

Однако ни один из печатавшихся текстов не выражает последнюю волю автора, так
как текст, изданный Элпидиным, представляет собой текст наборной рукописи (см.
«Описание рукописей и корректур», № 7), а текст «Книжек Недели» копирует вторые
неправленные корректуры (см. «Описание рукописей и корректур», № 9).

В настоящем издании статья, выверенная по рукописям, печатается по последней
(второй, правленной Толстым) корректуре, с восстановлением одного отрывка,
изъятого Толстым явно по цензурным соображениям (со слов: «Разве может не быть
голоден народ...»; кончая словами: «...отчего народ голоден»).

ОПИСАНИЕ РУКОПИСЕЙ И КОРРЕКТУР

1. Автограф. 27 лл. (24 лл. в 4°, 2 лл. F°, один лист из Записной книжки).
Начало: «Если свести вместе...»; конец: «...желани[ем] искупить ее. <11.> л.
Толстой. 2 октября 1891 г.». На первом листе рукой С. А. Толстой проставлена
дата: «Сентябрь 1891 г.». Заглавие на обложке рукой Е. И. Попова: «Черновые о
голоде». Печатаются варианты №№ 4, 5, 21, 22, 29, 32.

2. Неполная (несколько листов утеряно, несколько листов переложено в рукопись №
3, а затем некоторые из них в рукопись № 5 и наборную) копия предыдущей
рукописи, рукой М. Л, Т. Л. и С. А. Толстых, с поправками и вставками Толстого.

О голоде. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru

48 лл. в 4°. Начало: «<1.> Если свести вместе...»; конец: «...желанием искупить ее. Л. Толстой. 2 октября 1891» (подпись и дата рукой С. А. Толстой). Заглавие на обложке рукой Е. И. Попова: «Черновые о голоде». Переписана в рукопись № 5. Печатаются варианты №№ 7, 10, 19, 24, 30, 35.

3. Автограф. 4 лл. в 4°. Начало: «<4.> Ответом на эт[от] и вопросы...»; конец: «...Верст 6 от одной де>». Рукопись представляет собой текст II главы; полностью переписана в наборную рукопись. Печатается вариант № 11.

4. Автограф. 5 лл. в 4°. Начало: «В некоторых местах выданы были...»; конец: «...совершенно равнодушны». На обложке рукой С. А. Толстой: «Сентябрь–октябрь 1891 г.». Рукопись неполная, представляет собой начала I и V глав; переписана в рукопись № 5.

5. Копия рукописей №№ 2 и 4, рукой М. Л. и Т. Л. Толстых, с поправками и вставками Толстого. 22 лл. в 4°. Начало: «Удивительное дело: грудной ребенок...»; конец: «...которому мы хотим служить». Рукопись неполная: некоторые листы переложены, остальные переписаны в наборную. Печатаются варианты №№ 12, 14, 15, 18, 25, 26.

6. Неполная (промежуточные листы переложены в наборную рукопись) копия несохранившегося автографа, рукой С. А. Толстой, с поправками Л. Н. Толстого и М. Л. Толстой. 10 лл. в 4°. Начало: «...1. За последние два месяца...»; конец: «... и <нас задавит> мы с ним». Печатаются варианты №№ 2, 3, 8.

7. Наборная рукопись. Копия рукописей №№ 3 и 6, рукой М. Л., Т. Л. и С. А. Толстых, с немногочисленными поправками Толстого. 72 листа в 4°. Начало: «О голоде. I. За последние два месяца...»; конец: «...сущность того, что я хотел сказать». На обложке рукой М. Л. Толстой: «О голоде. 1891 года октябрь». Печатаются варианты №№ 6, 9, 13, 17, 20, 23, 27, 28, 33, 34.

8. корректура. Гранки, набранные с рукописи № 7, с поправками Толстого. 24 лл.

9. корректура. Гранки (дубликат № 8), с перенесенными (с № 8) поправками Толстого, а также вторым слоем поправок Толстого. Поправки переписчика несколько шире тех поправок, которые он переносил; с другой стороны, некоторые поправки Толстого переписчик не воспроизвел. Среди гранок находится вставка-автограф в 4°. Последние гранки утеряны. 22 лл. гранок и 2 лл. автографа.

10. корректура. Гранки (вторые, отпечатанные после исправлений, сделанных Толстым в предыдущих гранках), с новыми поправками. 28 лл. Сохранился также дубликат № 10 без поправок.

Кроме указанных рукописей и корректур, в рукописный фонд статьи входят черновые материалы, представляющие собою вариант начала. 5 листов в 4°. На обложке рукой М. Л. Толстой: «О голоде 1891. Октябрь». На внутренней стороне обложки – план статьи. Печатаются варианты №№ 1 и 31.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТОМУ ТОМУ ПОЛНОГО СОБРАНИЯ СОЧИНЕНИЙ.

В настоящем томе печатаются художественные и публицистические произведения Л. Н. Толстого за 1891–1894 годы. Среди них – рассказы «Хозяин и работник», статьи о голоде, «Предисловие к «Крестьянским рассказам» С. Т. Семенова», неоконченные художественные произведения: «Кто прав?», «Мать», «Петр Хлебник» и др. Идеиная проблематика большинства вошедших в этот том работ Л. Толстого непосредственно связана с вопросами, возникшими в жизни России в связи с охватившим страну в 1891–1893 годы голодом.

Голод был одним из проявлений крайнего обострения социальных противоречий, особенно резко обозначившихся в России в 90-е годы. В. И. Ленин писал в 1902 году в статье «Признаки банкротства»: «Хищническое хозяйство самодержавия покоилось на чудовищной эксплуатации крестьянства. Это хозяйство предполагало, как неизбежное последствие, повторяющиеся от времени до времени голодовки крестьян той или иной местности... С 1891 года голодовки стали гигантскими по количеству жертв, а с 1897 г. почти непрерывно следующими одна за другой... Государственный строй, искони державшийся на пассивной поддержке миллионов крестьянства, привел последнее к такому состоянию, при котором оно из года в год оказывается не в состоянии прокормиться»⁴⁴.

О голоде. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru

1891–1894 годы явились значительным этапом в жизни и творчестве Л. Толстого. Именно в эти годы он особенно ясно осознал социальные причины тяжелого положения трудового народа. В эти годы он пришел к несомненному выводу, что долго строить насилия и угнетения продержаться не может, что «дело подходит к развязке». «Какая будет развязка, – писал он 31 мая 1892 года Г. А. Русанову, – не знаю, но что дело подходит к ней и что так продолжаться, в таких формах, жизнь не может, – я уверен»⁴⁵.

Толстой не увидел пути, который должен был привести к этой «развязке». Не революционная борьба масс за свои права, а добровольный отказ господствующих классов от привилегированного положения представлялся ему средством спасения от всех социальных зол. В этом сказалась слабость Толстого, выразителя взглядов политически отсталого патриархального крестьянства. Но величайшей заслугой писателя остается то, что «он сумел с замечательной силой передать настроение широких масс, угнетенных современным порядком, обрисовать их положение, выразить их стихийное чувство протеста и негодования»⁴⁶. Это стихийное чувство протеста многомиллионных масс крестьянства против помещичье-капиталистического гнета, малоземелья, податной зависимости, против темноты и забитости, экономического и политического бесправия с огромной силой и искренностью выразил Толстой в произведениях, созданных им в период 1891–1894 годов.

I

В творчестве Толстого 1891–1894 годов центральное место принадлежит публицистике. К этому времени относятся широко известные статьи о голоде, которые явились горячим откликом писателя на всенародное бедствие.

Чтобы вполне понять и оценить все значение общественной и писательской деятельности Толстого этого времени, необходимо иметь ясное представление о той обстановке, в какой ему приходилось писать и действовать.

Уже летом 1891 года в газетах стали появляться тревожные известия из различных губерний России о надвигающемся голоде. Однако ни правительство, ни земства, ни официальная печать не проявляли беспокойства. В одной из статей августовской книжки консервативного журнала «Русский вестник» сообщалось: «Теперь недород хлебов поразило более десяти губерний, и никому не приходит в голову мысль о непосильности для государства борьбы с голодом... Печать исполняет свою обязанность, спокойно обсуждая меры необходимой помощи». Либерально-народническая «Русская мысль» так же «спокойно обсуждала меры необходимой помощи» и все свои упования и надежды возлагая на «чуткость» правительства. «Русские ведомости», в свойственном им тоне «умеренности и аккуратности», тоже старались не «пугать» общественное мнение надвигающимся голодом и горячо протестовали против запрещения вывоза хлеба за границу. Даже в ноябре 1891 года, когда многие губернии охватил жесточайший голод, «Русская мысль» оптимистически утверждала: «Итак, нет причины отчаиваться и опускать руки; пусть только пойдут широким руслом частные пожертвования – и наиболее острый кризис без особого труда будет осилён».

Земства, взявшиеся за организацию помощи голодающим, возглавлялись помещиками и интеллигентами, настроенными либерально, а часто и консервативно. Они не только не требовали от правительства серьезной помощи, но в своих статистических сведениях всеми способами «сокращали едоков» – число крестьян, нуждающихся в продовольственной или денежной ссуде. А губернская администрация находила обычно преувеличенными или излишними и эти урезанные требования и часто уменьшала размеры помощи, а то и вовсе отказывала в ней.

Отношение Толстого к средствам борьбы с голодом, в котором он видел огромное народное бедствие, было крайне сложным и противоречивым. С глубоким возмущением отнесся он к лицемерному обсуждению мер помощи народу, ограбленному и доведенному до крайней нужды теми самыми людьми, которые теперь собирались «опекать» своих «меньших братьев». В дневнике он записывает: «Все говорят о голоде, все заботятся о голодающих, хотят помогать им, спасти их. И как это противно. Люди, не думавшие о других, о народе, вдруг почему-то возгораются желанием служить ему. Тут или тщеславие – высказаться, или страх; но добра нет»⁴⁷. Толстой отвергает, как нелепую, мысль о возможности прокормить народ за счет подачек богачей.

Вместе с тем, всецело в духе своего утопического и реакционного религиозно-нравственного учения, он надеется, что достаточно написать или

О голоде. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
сделать то, что смогло бы «тронуть сердца богатых»⁴⁸, как совершится чудо: отказавшись от своих привилегий, сытые с раскаянием и любовью придут к своим голодным «братьям».

Глубоко сочувствуя народу, Толстой с тревогой следил за тем, что происходило в охваченных голодом деревнях. Положение народа становилось все более тяжелым и безысходным, а правительственная и земская помощь неспособна была что-либо изменить.

В сентябре 1891 года Толстой объезжает ряд деревень Тульской и Рязанской губерний и близко знакомится с народной нуждой. Голодных крестьян, у которых нет вдоволь даже хлеба с лебедой, огромное число нищих, развалившиеся дома, отсутствие топлива, и все это рядом с довольством помещичьих усадеб – нашел Толстой во всех деревнях. Возвратившись в Ясную Поляну, он начал работать над статьей «О голоде», в которой собирался рассказать подлинную правду обо всем, что видел: о крестьянской нужде, помещичьей роскоши, преступном равнодушии «верхов» к народу и о ничтожности правительственной и земской помощи.

Под впечатлением невыносимых страданий народа Толстой приходит к мысли, что нельзя ждать, пока господа раскаются в своем «грехе». Он убеждается, что в существующих условиях, если не оказать народу помощи, тысячи людей будут умирать от голода и болезней, не возбудив и тени сострадания у господствующих классов. И Толстой решает заняться организацией помощи голодающим. С этой целью он в октябре 1891 года поселяется в имении своего друга И. И. Раевского Бегичевке Рязанской губернии. Вместе со своими помощниками он устраивает в окрестных деревнях многочисленные столовые для крестьян и их детей, собирает и распределяет пожертвования, организует медицинскую помощь. «...Не могу жить дома, писать. Чувствую потребность участвовать»⁴⁹, – пишет он в это время Н. Н. Ге.

Деятельное участие Толстого в помощи голодающим и его статьи этого периода, полные гнева к эксплуататорам и горячей любви к народу, навсегда останутся свидетельством глубокой и кровной связи великого писателя с народом.

Статьи Толстого о голоде можно разделить на две группы. Одна – это статьи «О голоде»⁵⁰, «Заключение к последнему отчету о помощи голодающим», «Голод или не голод?»⁵¹. В них писатель ставит коренные, общие вопросы, возникшие в связи с голодом, показывает во всей неприглядности тяжкую долю народа, с беспощадной резкостью критикует современный общественный порядок, выдвигает требования, которые, по его мнению, необходимо удовлетворить, чтобы не было голодовок, постоянной нищеты и вымирания русского крестьянства. Эти статьи представляют наибольший интерес, хотя именно в них со всей остротой проявляются поистине кричащие противоречия взглядов Толстого: обличение существующего строя и вместе с тем незнание подлинных путей его изменения, проповедь нравственного совершенствования и непротivления злу насилием.

Другая группа – это статьи «Страшный вопрос», «О средствах помощи населению, пострадавшему от неурожая», непосредственно связанные с практической деятельностью Толстого во время голода, отчеты об израсходовании пожертвованных денег. В этих статьях писатель рассказывал о своей работе и работе своих помощников по борьбе с голодом и обращался к прогрессивной части русского общества с призывом воспользоваться его опытом. В них он настойчиво требовал широкой организации бесплатных столовых для крестьян как наиболее действенной формы помощи голодающим.

В обличительном пафосе статей Толстого о голоде ярко отразились настроения многомиллионного русского крестьянства, у которого «века крепостного гнета и десятилетия форсированного пореформенного разорения накопили горы ненависти, злобы и отчаянной решимости»⁵².

Правда о русской деревне, рассказанная Толстым в статье «О голоде», обличала эксплуататорский строй царской России. Это была та правда, которую тщательно старались скрыть и консервативные, и либеральные защитники существующих порядков. В своей статье Толстой указывает, что хищническим хозяйничаньем помещиков и капиталистов крестьяне доведены до крайней нужды и разорения. Уже в самом начале осени, рассказывает писатель, в одной из деревень Ефремовского уезда «из 70-ти дворов есть 10, которые кормятся еще своим. Остальные сейчас, через двор, уехали на лошадях побираться. Те, которые остались, едят хлеб с лебедой и с отрубями, который им продают из склада земства по 60 копеек с пуда».

О голоде. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru

Толстой на основании многочисленных фактов утверждал, что в таком положении постоянно, а не только в голодный год находятся миллионы крестьян России. Он разоблачает клевету господствующих классов, будто народ голоден оттого, что ленив, пьянствует, дик и невежествен. Народ голоден оттого, что его душат малоземелье, подати, солдатчина, что «распределение, производимое законами о приобретении собственности, труде и отношениях сословий, неправильно». Улучшить положение народа можно, по мысли Толстого, лишь тем, чтобы перестать грабить и обманывать его. А взять у господ часть их богатств и раздать голодающим – все равно, что заставить паразита кормить то растение, которым он питается. «Мы, высшие классы, живущие все им, не, могущие ступить шагу без него, мы его будем кормить! В самой этой затее есть что-то удивительно странное», – восклицает Толстой. Именно эти слова Толстого имел в виду В. И. Ленин, когда в статье «Признаки банкротства» писал: «В 1892 г. Толстой с ядовитой насмешкой говорил о том, что «паразит собирается накормить то растение, соками которого он питается». Это была, действительно, нелепая идея»⁵³.

В статье «О голоде» Толстой беспощадно разоблачает лицемерие эксплуататорских классов, которые делают вид, что озабочены голодом, встревожены положением народа, а в действительности более чем равнодушны к совершающемуся бедствию и стараются всеми средствами еще сильнее закабалить крестьян. Писатель гневно обнажает подлинную сущность происходящего, показывает, что между эксплуататорами и народом нет иных отношений, кроме отношений господина и раба. «Не говоря о фабричных поколениях, гибнущих на нелепой, мучительной и развращающей работе фабрик для удовольствия богатых, – пишет Толстой, – всё земледельческое население, или огромная часть его, не имея земли, чтобы кормиться, вынуждено к страшному напряжению работы, губящей их духовные и физические силы, только для того, чтобы господа могли увеличивать свою роскошь. Всё население спаивается, эксплуатируется торговцами для этой же цели. Народонаселение вырождается, дети преждевременно умирают, всё для того, чтобы богачи – господа и купцы жили своей отдельной господской жизнью, с своими дворцами и музеями, обедами и концертами, лошадьми, экипажами, лекциями и т. п.».

Однако в статье «О голоде», как и в других произведениях, Толстой высказывает иллюзорную надежду, что господа могут добровольно «перестать делать то, что губит народ», возратить награбленное, изменить свою жизнь и тем самым разорвать кастовую черту, отделяющую их от народа. Он обращается к «высшим классам» с призывом: отнестись к народу «не только как к равным, но к лучшему нашим братьям, таким, перед которыми мы давно виноваты», прийти к ним «с раскаянием, смирением и любовью», поступить подобно мученику Петру, который, раскаявшись в своем жестокосердии, отказался от всего богатства и сам продался в рабство⁵⁴. Так решение глубоко поднятых и со всей резкостью поставленных в статье «О голоде» социальных вопросов Толстой переводит в плоскость отвлеченных рассуждений о «грехе», «братской любви» и т. п.

Занимаясь помощью голодающим, Толстой еще больше убедился в том, что причина бедственного положения народа – не в неурожае, а в самой системе угнетения меньшинством эксплуататоров огромного большинства трудящегося народа. Подводя итоги всему тому, что он видел во время голода, Толстой в «Заключении к последнему отчету о помощи голодающим» снова указывает, что связь роскоши одних с лишениями и страданиями других очевидна, что народ вымирает от непосильной работы и постоянного недостатка пищи. Толстой утверждает здесь, как и позднее в романе «Воскресение», «что люди, которые служат правительству, делают это не для блага народа, который не просит их об этом, а только потому, что им нужно жалованье; и что люди, занимающиеся науками и искусствами, занимаются ими не для просвещения народа, а для гонорара и пенсии; и люди, удерживающие от народа землю и возвышающие на нее цены, делают это не для поддержания каких-либо священных прав, а для увеличения своего дохода, нужного им для удовлетворения своих прихотей».

Превосходно зная истинное положение русской деревни, Толстой понимал, что голод и в последующие годы не перестанет душить нищую, обездоленную русскую деревню. И если господствующие классы будут молчать «про нужду, холод и голод, вымирание замученных работой взрослых и недоедающих старых и малых сотен тысяч людей», как это было в 1891–1892 годах, то лишь для того, чтобы скрыть истину и не возбуждать общественного мнения.

Вместе с тем, вступая в противоречие со своей трезвой оценкой действительного отношения господ к народу, вопреки тому, что он наблюдал во время голода,

О голоде. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
Толстой и эту статью заключает призывом к богатым раскаяться, отречься от «ложного» христианства и признать «истинное».

90-е годы были временем бурного развития в России капитализма и крайнего обнищания, ограбления, вымирания народа. По поводу этого десятилетия в экономической жизни России В. И. Ленин писал в 1901 году: «Не одно только разорение, а прямое вымирание русского крестьянства идет в последнее десятилетие с поразительной быстротой, и, вероятно, ни одна война, как бы продолжительна и упорна она ни была, не уносила такой массы жертв»⁵⁵.

В 1898 году в России вновь разразился голод. Снова повторилось то, что было в 1891–1892 годах, лишь с той разницей, что царское правительство, напуганное ростом революционного движения, особенно настойчиво пыталось доказать, что голода нет, и усилило репрессии по отношению к тем, кто пытался организовать помощь народу. Голод 1898 года особенно наглядно доказал «одну старую истину», о которой в 1901 году Ленин писал в статье «Борьба с голодающими»: «...полицейское правительство боится всякого соприкосновения с народом сколько-нибудь независимой и честной интеллигенции, боится всякого правдивого и смелого слова, прямо обращенного к народу, подозревает – и подозревает совершенно справедливо, – что одна уже забота о действительном (а не мнимом) удовлетворении нужды будет равносильна агитации против правительства, ибо народ видит, что частные благотворители искренно хотят ему помочь, а чиновники царя мешают этому, урезают помощь, уменьшают размеры нужды, затрудняют устройство столовых и т. д. »⁵⁶.

В статье «Голод или не голод?», относящейся к 1898 году, Толстой с негодованием пишет о тех препятствиях, которые чинят представители власти делу помощи голодающим. Столовые нельзя открывать без разрешения губернатора, без соглашения с местным попечительством, без особого обсуждения вопроса о каждой новой столовой с земским начальником. Кроме того, без санкции губернатора запрещено всем не местным жителям участвовать и помогать в устройстве столовых. Практически все это означало полное запрещение помощи голодающему народу. «Так что, – пишет Толстой, – несмотря на несомненную нужду народа, несмотря на средства, данные жертвователями для помощи этой нужде, дело наше не только не может расширяться, но находится в опасности быть совершенно прекращенным».

Царское правительство и реакционная печать всеми средствами стремились доказать, что голода нет и народ благоденствует, опекаемый «отцами» – помещиками и «батюшкой» царем. Разоблачая эти утверждения, Толстой пишет в статье «Голод или не голод?»: «Голода нет, а есть хроническое недоедание всего населения, которое продолжается уже 20 лет, и всё усиливается... Голода нет, но есть положение гораздо худшее. Всё равно, как бы врач, у которого спросили, есть ли у больного тиф, ответил бы: «Тифа нет, а есть быстро усиливающаяся чахотка».

И Толстой формулирует требования, которые, по его мнению, необходимо выполнить, чтобы прекратились постоянные голодовки русского крестьянства. «...Нужно, не говорю уже уважать, – пишет он, – а перестать презирать, оскорблять народ обращением с ним, как с животным, нужно дать ему свободу исповеданья, нужно подчинить его общим, а не исключительным законам, а не произволу земских начальников; нужно дать ему свободу ученья, свободу чтенья, свободу передвижения и, главное, снять то позорное клеймо, которое лежит на прошлом и теперешнем царствовании – разрешение дикого истязания, сечения взрослых людей только потому, что они числятся в сословии крестьян».

Именно эти требования выдвинул Толстой и в начале 900-х годов, выступая от имени «большинства людей русского народа», в своем письме к Николаю II и статье-обращении «Царю и его помощникам». Именно эти требования отражали интересы миллионов русского крестьянства накануне первой революции в России. С другой стороны, именно связью с настроениями политически отсталого патриархального крестьянства объясняется тот факт, что и в 1898 году, и позднее, накануне и во время революции 1905 года, Толстой не знал подлинных путей борьбы за насущные права трудового народа. Поэтому и в статье «Голод или не голод?» он все надежды возлагал на «братское единение людей» независимо от их классовой принадлежности.

Очевидно, насколько наивны и утопичны упования Толстого на «смирение» богатых. Но не в них состоит основное содержание и значение его статей о голоде. Основной смысл и сила этих статей заключается в беспощадно резком обличении всех порядков

О голоде. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru самодержавной России. Недаром цензура запретила печатание статьи «О голоде» и лишь после бесконечных мытарств статью удалось опубликовать, да и то в безобразно изуродованном виде. Недаром с бешеной злобой обрушилась на Толстого охранительная печать и все блюстители порядка, когда «Московские ведомости» провокационно перепечатали выдержки из статьи «О голоде».

«Московские ведомости», орган наиболее реакционных слоев помещиков и духовенства, грубой и откровенной бранью «комментировали» статью Толстого. «Письма Толстого... являются открытой пропагандой к ниспровержению всего существующего во всем мире социального и экономического строя, – писала газета. – Пропаганда графа есть пропаганда самого крайнего, самого разнузданного социализма, перед которым бледнеет даже наша подпольная пропаганда». И действительно, хотя Толстой был далек в статье «О голоде» от призывов к революции, объективно статья играла революционизирующую роль. По свидетельству советника при министре иностранных дел В. Н. Ламздорфа, прокламации, захваченные тогда полицией, «находились в прямой связи с мыслями, высказанными Толстым. Это доказало действительную опасность письма. В связи с этим в городе было произведено несколько обысков»⁵⁷.

Газетам было приказано не перепечатывать статьи из «Московских ведомостей» и даже не комментировать ее. При дворе стали поговаривать о заточении Толстого в тюрьму Суздальского монастыря или заключении в дом для умалишенных. Министр внутренних дел Дурново, делая доклад Александру III, заявил, что «письмо» Толстого «по своему содержанию должно быть приравнено к наиболее возмутительным революционным воззваниям», но, принимая во внимание, что «привлечение в настоящее время графа Толстого к ответственности может повлечь нежелательное смятение в умах», рекомендовал ограничиться предупреждением автору «статей противоправительственного направления»⁵⁸.

Враждебно была встречена правительственными кругами и вторая статья Толстого о голоде – «Страшный вопрос». За опубликование ее министр внутренних дел сделал газете «Московские ведомости» предупреждение, как позднее и газете «Русь» за помещение статьи «Голод или не голод?». «Заключение к последнему отчету о помощи голодающим» было запрещено цензурой и опубликовано лишь в 1896 году за границей.

Однако никакие запреты и преследования не могли заглушить голос Толстого-обличителя. Сознвая свою глубокую правоту защитника угнетенного многомиллионного народа и обличителя праздных тунеядцев, Толстой писал по поводу шумихи, поднятой вокруг статьи «О голоде» в реакционной печати и правительственных кругах: «Я пишу, что думаю, и то, что не может нравиться ни правительству, ни богатым классам, уже 12 лет, и пишу не нечаянно, а сознательно, и не только оправдываться в этом не намерен, но надеюсь, что те, которые желают, чтобы я оправдывался, постараются хоть не оправдаться, а очиститься от того, в чем не я, а вся жизнь их обвиняет... То же, что я писал в статье о голоде, есть часть того, что я 12 лет на все лады пишу и говорю, и буду говорить до самой смерти, и что говорит со мной всё, что есть просвещенного я честного во всем мире»⁵⁹.

II

Социальные противоречия русской жизни, особенно резко обозначившиеся во время голода 1891–1892 годов, определили идейное содержание и художественных произведений Толстого. Изображение контраста жизни народа и господ становится основной темой его творчества в 90-е годы. Это относится к таким произведениям, как рассказы «Кто прав?» (1891) и «Хозяин и работник» (1894–1895), вошедшим в настоящий том, и особенно к роману «Воскресение», который был задуман и начат в конце 80-х годов, но в основном создавался в 1895–1899 годы, под непосредственным впечатлением того, что наблюдал Толстой во время голода 1891–1892 и 1898 годов.

Рассказ «Кто прав?» Толстой начал писать вскоре по приезду в Бегичевку. Страшные картины, резкие контрасты, которые писателю приходилось наблюдать во время голода, определили содержание рассказа. Все персонажи, сцены, диалоги даются в рассказе в резком социальном противопоставлении. Оборванная женщина с сумой, в разбитых лаптях, и барыня, восхищающаяся своими заграничными туфлями. Замученный нищий мужик, продающий последнего барана, чтобы купить детям хлеб, и сытые тунеядцы, развлекающиеся светской болтовней, флиртом и планами предстоящей охоты. Через весь рассказ проходит мысль о глубоком отчуждении господ от народа, о полном их равнодушии к его нуждам и интересам.

Рассказ не был закончен. Судя по эпиграфу и по тому, что в Дневнике Толстой называет его постоянно «О детях», писатель хотел поставить в рассказе вопрос: кто прав – дети, которые забывают о том, что они «господа», беззаветно отдаются помощи голодающему народу и входят в непосредственное общение с ним, или их родители, пытающиеся свести все к расчетливой и «приличной» благотворительности. Как и в статьях о голоде, Толстой в этом рассказе намерен был осудить господ, равнодушных к народу и прикрывающих это равнодушие лицемерной маской заботы о «меньшом брате». Когда С. А. Толстая, прочитав начало рассказа, писала: «Разумеется, ясно, к чему клонит рассказ; и ты, видно, хочешь, чтоб виноватых не было»⁶⁰, Толстой отвечал: «Ты не угадала... к чему клонит»⁶¹. Несомненно, что писатель намеревался ввести в рассказ мотив «виновности» господ.

В 1895 году, обратившись к рассказу «Кто прав?», Толстой решил коренным образом переделать его. Он пришел к выводу, что конфликт детей и родителей – не столь значителен по сравнению с основным конфликтом эпохи – между истощенными от голода, крестьянами и живущими в роскоши и довольстве паразитическими классами. «...Ясно понял, отчего у меня не идет Воскресенье. Ложно начато. Я понял это, обдумывая рассказ О детях – кто прав, – записывает Толстой в Дневнике, – я понял, что надо начинать с жизни крестьян, что они предмет, они положительное, а то тень, то отрицательное»⁶². Вероятно потому, что картина тяжкого положения народа была во всей полноте развернута в «Воскресении», Толстой, увлекшись работой над романом, оставил мысль о переделке рассказа «Кто прав?».

Зимой 1891/92 года в Бегичевке был задуман и рассказ «Хозяин и работник»⁶³.

Знание народной жизни, деревенского быта позволили Толстому создать в этом рассказе глубочайшие по силе типического обобщения образы бездомного Никиты и «хозяйственного» Брехунова. Трезвый и зоркий наблюдатель жизни русской деревни, Толстой раскрывает подлинную причину богатства хозяина и нищеты работника. «Василий Андреич платил Никите не восемьдесят рублей, сколько стоил такой работник, а рублей сорок, которые выдавал ему без расчета, по мелочи, да и то большей частью не деньгами, а по дорогой цене товаром из лавки». Рабство капиталистическое ложится на плечи трудового народа еще более тяжким бременем, чем крепостное право. Об этом ужасающем положении крестьянства Толстой, спустя два года по окончании «Хозяина и работника», записал в Дневнике: «Как Гюливера, привязали мужика волосками в Европе, у нас бечевками. Прежде было рабство – цепь. Она была видна, а теперь волоски. Так опутали его, что он сам защищает своих врагов высасывателей. Ужасно это видеть»⁶⁴.

Постоянно обманывая, обирая работника, хозяин не перестает твердить: «Мы по чести. Ты мне служишь, и я тебя не оставляю». И забитый, приученный рабской жизнью к терпению крестьянин не протестует, хотя очень хорошо понимает, что Василий Андреич обманывает его. Но он чувствует, «что нечего и пытаться разьяснять с ним свои расчеты, а надо жить, пока нет другого места, и брать, что дают». А другого места нет; да и хозяева всегда и везде одинаковы.

Противопоставляя хозяина и работника, эксплуататора и эксплуатируемого, Толстой все симпатии отдает батраку Никите, представителю трудящегося народа.

Никита трудолюбив, ловок и силен в работе. В рассказе много раз подчеркивается, что он работает весело, охотно, бодро. У него «добрый, приятный характер»; в обращении с людьми он всегда ласков (характерные для его речи выражения: «душа милая», «голубок»). В противоположность Никите хозяин – грубый, самодовольный и неумный человек.

В дороге Брехунов занят мыслью о предстоящей выгодной покупке, о барышничестве и пытается уговорить Никиту купить никуда негодную лошадь.

В опасности Никита оказывается смелее и сметливее Брехунова, он действует спокойно и решительно, и хозяин подчиняется его авторитету, что не мешает ему, однако, осуждать «необразованность и глупость мужицкую».

Хищничество и самодовольство Брехунова, прикрытые благовидной маской: «мы по чести», беспощадно разоблачаются Толстым, более беспощадно, чем, например, мошенничество купца Рябинина в «Анне Карениной», ибо сам делец стал наглее и циничнее. Кроме того, Толстой рассматривает теперь последствия «деятельности» таких предпринимателей, как Брехунов, с точки зрения интересов многомиллионных

О голоде. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
масс трудящегося крестьянства. В ярком, сильном, искреннем протесте писателя против Брежунова отразились горечь и обида, невыраженный протест «смирненного» Никиты, всего патриархального крестьянства, обираемого Брежуновыми.

Но, как и во всем творчестве Толстого позднего периода, «беспощадная критика капиталистической эксплуатации» сочетается в «Хозяине и работнике» с «юродивой проповедью «непротivления злу» насилием»⁶⁵.

Писатель стремится доказать в рассказе, что смирение и покорность – естественные, истинно привлекательные, «христианские» качества работника Никиты, и всячески поэтизирует их.

Центральным является в рассказе заключительный эпизод, когда хозяин и работник, не надеясь найти дорогу, решили заночевать в поле. Возможность смерти во всей ее реальности представилась обоим. Никите мысль о смерти не была «особенно неприятна... потому, что вся его жизнь не была постоянным праздником, а, напротив, была непрерывающей службой, от которой он начинал уставать». Мысль о смерти не страшна была Никите, по словам Толстого, и оттого, что «он чувствовал себя всегда в этой жизни в зависимости от главного хозяина, того, который послал его в эту жизнь, и знал, что и умирая он останется во власти этого же хозяина, а что хозяин этот не обидит». Василию Андреичу мысль о смерти показалась страшной.

Толстой, однако, не останавливается на этом противопоставлении. Писателю-моралисту, проповеднику теории нравственного «просветления», было необходимо привести Брежунова к той вере, которая была, по мнению Толстого, главным источником спокойствия Никиты перед лицом смерти. Как свидетельствуют черновые рукописи. Толстой особенно много трудился именно над этими последними главами рассказа. В первоначальном наброске, написанном в духе «народных рассказов», «просветление» Брежунова было показано как некое умиленное чудобб.

По мере работы над рассказом все резче очерчивался социальный контраст хозяина и работника, слишком очевидным становилось противоречие «трезвого реализма» первой части рассказа и надуманности, неубедительной декларативности второй. Художник Толстой не мог не почувствовать этого противоречия. Стремясь его смягчить, он в одном из последующих вариантов мотивирует «просветление» Брежунова уже не мгновенным божественным озарением, а гуманным побуждением – желанием спасти замерзающего Никиту. Но добрые чувства были настолько чужды всему облику Брежунова, что и в такой трактовке финал рассказа продолжал звучать неубедительно.

В окончательной редакции Толстой приближается к реалистическому толкованию этого эпизода. Брежунов спасает Никиту, движимый в большой мере эгоистическим чувством самосохранения. Но в описании последних минут жизни Брежунова писатель попрежнему сохраняет торжественно мистический элемент (фантастический сон, божественный голос), нарушающий реалистическую ткань повествования. В угоду своей идеалистической и реакционной идее о том, что человек, познавший бога и христианскую любовь, способен преодолеть свою социальную природу и стать для бедняка «братом во Христе», писатель рисует смерть Брежунова как акт нравственного перерождения.

Брежунов, как и все «прозревшие» герои Толстого, умирает, не переступив порога новой жизни. Изображение дальнейшей жизни этих людей не могло не обнаружить мнимости их перерождения, показало бы победу собственнических отношений над иллюзорной верой писателя, вскрыло всю наивность и неосновательность его социально-философской концепции⁶⁷.

В рассказе «Хозяин и работник» отчетливо проявляются характерные черты художественной манеры позднего Толстого.

Обыкновенного, заурядного человека писатель исключает из обыденно-прозаической действительности и ставит его в такое положение, которое дает ему возможность увидеть себя и свою жизнь в новом свете. (Неожиданная мучительная и смертельная болезнь чиновника Ивана Ильича, убийство добропорядочным дворянином Позднышевым своей жены, смерть в лесу замерзающего купца Брежунова.) Такая нарочитая драматизация ситуации позволяет Толстому с особой силой и глубиной сорвать «все и всяческие маски» с традиционных, установившихся общественных и личных отношений.

В то же время «исключительное положение» героя нужно Толстому для утверждения, что спасение от противоречий реальной жизни, от социального зла – в нравственном просветлении.

Одна из особенностей таланта Толстого – способность к тонкому психологическому анализу, умение раскрыть «диалектику души». Однако психологический анализ в поздних произведениях Толстого отличается большим своеобразием.

Психический процесс интересует теперь писателя лишь в том случае, если он является следствием душевной неудовлетворенности, борьбы, сомнений, ведущих к коренному перелому взглядов, представлений, поведения героя. Катастрофа, драматическое событие, благодаря которым начинается нравственное просветление героя, становится необходимым, центральным элементом сюжета. Именно поэтому в «Хозяине и работнике» психологический анализ сосредоточен на самом главном, с точки зрения автора, «переломном» эпизоде – последних мгновениях жизни Брехунова.

Повторение характерной детали, свойственное художественной манере Толстого, широко используется в «Хозяине и работнике» как средство типизации характера, выразительности портрета, речи персонажа, психического состояния, явления природы и т. д.

Описание метели, например, достигает необычайно сильного эмоционального впечатления благодаря повторяющемуся упоминанию об отчаянно треплущемся на ветру замерзшем белье, страшно гудевших лозинах, одиноком чернобыльнике.

Постоянно упоминаются в рассказе выпуклые, ястребиные глаза Брехунова, легкая, бодрая походка «гусем ступающих ног» Никиты; в речи Брехунова повторяются слова: «мы по чести», в речи Никиты – «душа милая», являясь примером поразительного умения Толстого удачно найденной деталью раскрывать существенные черты человеческой индивидуальности.

Среди других художественных произведений, вошедших в настоящий том, наибольший интерес представляет незаконченная повесть «Мать» (1891). Замысел ее связан с обострившимся в конце 80-х годов интересом Толстого к проблеме семьи и воспитания детей, которая была поставлена им как часть большого, общего вопроса – о порочности социальных и этических основ буржуазно-дворянского общества. В произведениях на эту тему, прежде всего в «Крейцеровой сонате» (1887–1889), писатель беспощадно обличал паразитическую и аморальную жизнь господствующих классов.

«Мать» – далеко не завершенное произведение, но и в известных нам отрывках начала повести отчетливо видно стремление Толстого показать, что среди привилегированных классов, где отношения между людьми проникнуты лицемерием и обманом, а дети воспитываются в условиях роскоши и праздности, не может быть хорошей семьи, «нет... честного брака».68 Мужу героини повести Толстой намерен был противопоставить самоотверженного труженика – учителя Петра Никифоровича. Петр Никифорович и был единственным человеком, имевшим благотворное влияние на детей.

Мысль о том, что «нельзя быть добрым человеку, неправильно живущему»69, то есть живущему в праздности, чужим трудом, – определяет идейное содержание повести «Мать», как и большинства произведений Толстого 80–90-х годов. Однако разрешение этого глубокого социального вопроса Толстой видит лишь в следовании отвлеченным «истинам» морали и религии. Именно поэтому в образе Петра Никифоровича, воплощающем его положительный идеал, писатель подчеркивает и поэтизирует прежде всего высокие «христианские» качества: суровый аскетизм, пренебрежение материальными благами, полное самоотречение.

III

Для характеристики эстетических взглядов Толстого в рассматриваемый период большой интерес представляет «Предисловие к «Крестьянским рассказам» С. Т. Семенова». Как и в других статьях 80–90-х годов об искусстве, Толстой утверждает в этом предисловии, что искусство должно быть поставлено на службу интересам народа, быть доступным широким народным массам. В период, когда писалось предисловие к рассказам Семенова, Толстой все больше и больше убеждается в том, что подлинная цель искусства – изображать жизнь трудящегося народа, что единственный читатель, для которого можно трудиться с увлечением и с пользой, –

О голоде. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
это читатель из народа. «Не могу писать с увлечением для господ, их ничем не проберешь: у них и философия, и богословие, и эстетика, которыми они, как латами, защищены от всякой истины, требующей следования ей, – пишет он в 1895 году дочери Марии Львовне. – А если подумаю, что пишу для Афанасьев и... для Данил и Игнатов и их детей, то делается бодрость и хочется писать»⁷⁰.

С особенным вниманием и любовью относится в это время Толстой к сочинениям писателей из крестьян – С. Т. Семенова, Ф. А. Желтова, Ф. Ф. Тищенко и др. Он заботится об издании их произведений в «Посреднике», в различных журналах и сборниках, дает им советы и указания. Под непосредственным влиянием Толстого создавались реалистические произведения этих писателей, проникнутые любовью к народу и основанные на знании жизни народа. С другой стороны, не без влияния и поддержки Толстого утверждались в их творчестве и религиозно-моралистические тенденции, обусловленные принципом «описывать не правду того, что есть, а правду царствия божия...»⁷¹

С. Т. Семенов познакомился с Толстым в 1886 году, когда принес ему «на суд» первое свое произведение – рассказ «Два брата». Толстой одобрил рассказ, и вскоре он был напечатан в издательстве «Посредник». С тех пор Семенов часто бывал у Толстого в Москве и в Ясной Поляне, вел с ним переписку. Толстой принимал живейшее участие в литературной работе Семенова, высоко ценил его литературное дарование, знание и правдивое изображение им крестьянской жизни.

В 1894 году к первому сборнику рассказов Семенова Толстой написал предисловие. Давая оценку «Крестьянским рассказам», Толстой отмечает, что их содержание «всегда значительно... оно касается самого значительного сословия России – крестьянства». Большим достоинством произведений Семенова он считает правдивость, искренность, простоту художественной формы, народность языка, яркость речевых характеристик персонажей. Все это и определяет, по мнению Толстого, силу воздействия этих рассказов на читателя.

С другой стороны, всецело в духе своего религиозно-нравственного учения, Толстой утверждает, что главное в художественном произведении и, в частности, в рассказах Семенова – оценка автором поведения героев с точки зрения «идеала христианской истины». Справедливо требуя от художника не только изображать, но и оценивать людей, их поступки, Толстой считает отвлеченную «христианскую истину» основным критерием этой оценки.

Предисловие к «Крестьянским рассказам» было написано в пору напряженного интереса Толстого к эстетическим вопросам. Как и в ряде статей 1889–1891 годов и в «Предисловии к сочинениям Гюи де Мопассана»⁷², Толстой в предисловии к рассказам Семенова утверждает те принципы искусства, которые были обоснованы им позднее в трактате «Что такое искусство?». Беспощадное отрицание лжеискусства, являющегося праздной забавой эксплуататорских классов, оправдывающего их привилегированное положение, и утверждение искусства, которое ставило бы своей целью служить интересам народа, составляют содержание этих статей. Чаяния многомиллионных масс русского крестьянства, обреченных в условиях полицейски-самодержавного строя царской России на беспросветную темноту и невежество, отразились в этой мечте Толстого о народном искусстве.

IV

По мере приближения революции 1905 года, обострения в России социальных противоречий у Толстого все чаще возникали сомнения относительно возможности переустройства жизни на основе непротивления и нравственного совершенствования, и он приходил к справедливому выводу, что «господ... ничем не проберешь». Несмотря на это, он настойчиво, до последних дней своей жизни, проповедовал свои «рецепты спасения человечества». В наибольшей мере слабые стороны взглядов Толстого проявились в таких статьях, помещенных в настоящем томе, как «Первая ступень», «Неделание», «Предисловие к дневнику Амиеля».

Содержащаяся в «Первой ступени» критика господ, у которых весь интерес жизни состоит в «жранье», критика, напоминающая обличительные страницы «Флодов просвещения», является в статье второстепенным моментом по сравнению с проповедью вегетарианства – «первой ступени», по мнению Толстого, на пути к «истинному христианству».

Статья «Неделание» (1893) посвящена разбору речи Э. Золя «Юношеству» и письма А. Дюма-сына редактору французской газеты «Голуа». Речь Золя была направлена против

О голоде. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru распространившегося в конце прошлого века среди буржуазно-дворянской интеллигенции увлечения мистицизмом и фидеизмом. Предостерегая молодежь от этого увлечения, Золя призывал их верить в науку и труд, которые дают, по словам Золя, смысл жизни и служат залогом ее неуклонного совершенствования. Идеалист Дюма, отвечая на статью Золя, напротив, все свои упования возлагал на «христианскую веру», которая якобы объединит всех людей в стремлении к братской любви, избавит их от существующего зла и несправедливости.

Известно, какое конкретно-историческое содержание заключено в призыве Золя верить в науку и труд. Трезвый наблюдатель капиталистического общества, писатель-реалист, беспощадно разоблачавший пороки этого общества, Золя вместе с тем сам не был свободен от буржуазных предрассудков. Его представления о борьбе за справедливый социальный строй сводились, в конечном счете, к программе буржуазного реформизма.

Оценивая все события современной ему жизни с точки зрения интересов многомиллионного патриархального крестьянства, Толстой зорко подметил уязвимые места речи Золя. Он справедливо протестует против отвлеченной постановки вопроса о науке и труде, так как знает, что в буржуазном обществе труд служит, главным образом, обогащению эксплуататоров за счет эксплуатируемых, а буржуазная наука – оправданию существующего строя. «Пусть каждый усердно работает. Но что? – спрашивает Толстой. – Биржевой игрок, банкир возвращается с биржи, где он усердно работал; фабрикант – из своего заведения, где тысячи людей губят свои жизни над работой зеркал, табаку, водки. Все эти люди работают, но неужели можно поощрять их работу?»

Однако то, что противопоставляет Толстой призывам Золя, свидетельствует о его собственном бессилии указать подлинные пути изменения жизни. Соглашаясь с А. Дюма, Толстой надеется, что достаточно людям постигнуть евангельскую «истину» о «неделании» (не делай того другим, чего не хочешь, чтобы сделали тебе), как мир преобразуется сам собой. Мечтая о «коллективистическом складе жизни», Толстой высказывает утопическую и реакционную идею, что имущие слои общества способны осознать свой «грех», раскаяться и признать «обязательным для себя или религиозный христианский закон любви, или на том же христианстве основанный светский закон уважения к чужой жизни, личности и правам человека». Так статья «Неделание» еще раз доказывает, что Толстой не сумел найти подлинный выход из противоречий современной ему действительности. Его «рецепты спасения человечества» не могут быть оценены иначе, как заблуждения, отражающие «незрелость мечтательности, политической невоспитанности, революционной мягкотелости»⁷³ патриархального крестьянства в период подготовки и проведения первой революции в России.

–

В идейном содержании помещенных в настоящем томе произведений Толстого со всей отчетливостью проявились острые противоречия социальных, этических и эстетических взглядов писателя. Обличение господствующих классов сочетается в них с проповедью классового мира на основе непротivления бедных и добровольного отказа собственников от своих привилегий; разоблачение подлой морали грабителей народа – с утверждением нравственного самосовершенствования как единственного средства, способного победить зло социальной действительности; «самый трезвый реализм, срыванье всех и всяческих масок» – с изображением нереальных ситуаций, призванных доказать спасительность и всеисилие «христианской любви».

Но при всех свойственных ему «кричащих противоречиях» Толстой выступает в 90-е годы как непреклонный и смелый обличитель помещичье-капиталистического строя, защитник интересов трудящихся масс. «Безбоязненная, открытая, беспощадно-резкая постановка Толстым самых больных, самых проклятых вопросов»⁷⁴ своего времени свидетельствует о его страстном интересе к народной жизни, о его высоком понимании писательского долга.

Л. Опульская

РЕДАКЦИОННЫЕ ПОЯСНЕНИЯ К ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТОМУ ТОМУ ПОЛНОГО СОБРАНИЯ СОЧИНЕНИЙ. Тексты, публикуемые в настоящем томе, печатаются по общепринятой орфографии, но с сохранением особенностей правописания Толстого.

При воспроизведении текстов, не печатавшихся при жизни Толстого (произведения, Страница 41

О голоде. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
окончательно не отделанные, неоконченные, только начатые и черновые тексты),
соблюдаются следующие правила.

Текст воспроизводится с соблюдением всех особенностей правописания, которое не унифицируется.

Пунктуация автора воспроизводится в точности, за исключением тех случаев, когда она противоречит общепринятым нормам.

Слова, случайно не написанные, если отсутствие их затрудняет понимание текста, печатаются в прямых скобках.

В местоимении «что» над «о» ставится знак ударения в тех случаях, когда без этого было бы затруднено понимание текста.

Условные сокращения типа «к-ый», вместо «который», и слова, написанные неполностью, воспроизводятся полностью, причем дополняемые буквы ставятся в прямых скобках лишь в тех случаях, когда редактор сомневается в прочтении.

Описки (пропуски букв, перестановки букв, замены одной буквы другой) не воспроизводятся и не оговариваются в сносках, кроме тех случаев, когда редактор сомневается, является ли данное написание опиской.

Слова, написанные ошибочно дважды, воспроизводятся один раз, что всякий раз оговаривается в сноске.

После слов, в прочтении которых редактор сомневается, ставится знак вопроса в прямых скобках.

На месте неразобранных слов ставится: [1, 2, 3 и т. д. неразобр.], где цифры обозначают количество неразобранных слов.

Из зачеркнутого в рукописи воспроизводится (в сноске) лишь то, что имеет существенное значение.

Более или менее значительные по размерам зачеркнутые места (в отдельных случаях и слова) воспроизводятся в тексте в ломаных < > скобках.

Авторские скобки обозначены круглыми скобками.

Многоточия воспроизводятся так, как они даны автором.

Абзацы редактора даются с оговоркой в сноске: Абзац редактора.

Примечания и переводы иностранных слов и выражений, принадлежащие Толстому, печатаются в сносках (петитом) без скобок. Редакторские переводы иностранных слов и выражений печатаются в прямых скобках.

Обозначение * как при названиях произведений, так и при номерах вариантов, означает, что текст печатается впервые; ** – что текст напечатан был впервые после смерти Толстого.

Иллюстрации

Автотипия: Л. Н. Толстой составляет списки нуждающихся крестьян. 1892 г.
Фотография. Между IV и V стр.

Автотипия страницы черновой рукописи статьи «О голоде». Между 336 и 337 стр.

1
[заколдованном кругу]

2
[трудности там, где их нет,]

3
[возвратить награбленное, захваченное,]

4

Переправлено из: результатов, достигнутых

5

Зачеркнуто: почти нет

6

Зачеркнуто: происходило особенное, необычайное пьянство. Вообще смело можно сказать, что последствия выдачи семян были безразличны и принесли столько же вреда, сколько и пользы.

7

Зачеркнуто: половину земли отняли и держат помещики. Если бы у него были все земли, а не так, как теперь, земли в хороший год столько, чтобы кормиться до Рождества, то не было бы голода.

8

Зач.: оттого, что если запрещены стачки рабочих, то не запрещены стачки землевладельцев и капиталистов, сбивших цены на работы до последней степени.

9

Зачеркнуто: искренни в своем отношении к народу: это те, которые прямо презирают и даже ненавидят народ, считая его грубым, рабочим скотом, и те, которые уважают народ и стараются слиться с ним, не делая между им и собою никакого различия; большинство же, огромное большинство исповедует эту любовь, выражающуюся преимущественно, главное, в том, чтобы это не мешало работать на них.

10

[сделался предметом разговора]

11

Зачеркнуто: Я видел <и испытал> на войне, как самые добрые люди стреляли по чуть видному неприятелю только для того, чтобы попробовать, как ложатся снаряды, и радовавшихся, если попадали. Между парижанином и Вольтеровским мандарином нет никакой связи, точно так же как и между стреляющим артиллеристом и чуть видным неприятелем: нет ни связи духовного сознания братства, ни материального воздействия вида страдания умирающего мандарина или раненого или убитого неприятеля.

12

Зачеркнуто: господа или похожие на них, обедающие с приборами и испражняющиеся в комнатах, составляют совершенно отдельную касту, никогда не смешивающуюся с рабочими, с мужиками.

13

[возвратить награбленное,]

14

Зачеркнуто: для того, чтобы быть в состоянии помогать голодающему народу, надо понять верно свое отношение вообще к народу.

15

Т. 52, стр. 51.

16
Т. 66, стр. 12.

17
Там же.

18
Там же.

19
Т. 84, стр. 86.

20
Т. 87, стр. 106.

21
Т. 66, стр. 55.

22
Там же, стр. 50.

23
Там же, стр. 52.

24
Там же, стр. 56.

25
Там же, стр. 62.

26
Т. 84, стр. 90.

27
Там же.

28
Т. 66, стр. 75.

29
Т. 52, стр. 56.

30
Т. 66, стр. 74.

31
Там же, стр. 78.

32
Т. 84, стр. 92.

33

Т. 66, стр. 88.

34

Там же, стр. 94–95.

35

С. А. Толстая, «Письма к Л. Н. Толстому», изд. «Academia», М.–Л.

1936, стр. 467.

36

Т. 87, стр. 112.

37

Т. 84, стр. 104.

38

Т. 66, стр. 125–126.

39

См. об этом в предисловии к настоящему тому.

40

С. А. Толстая, «Письма к Л. Н. Толстому», изд. «Academia», М.–Л.

1936, стр. 488.

41

Т. 84, стр. 117.

42

Т. 84, стр. 128–129.

43

Там же, стр. 118.

44

В. И. Ленин, Сочинения, т. 6, стр. 66–67.

45

Т. 66, стр. 224.

46

В. И. Ленин, Сочинения, т. 16, стр. 293–294.

47

Т. 52, стр. 43.

48

Письмо к Н. С. Лескову от 4 июля 1891 г. – т. 66, стр. 12.

49

Т. 66, стр. 81.

50

Газета «Московские ведомости», перепечатав в 1892 году отрывок из этой статьи в переводе с английской публикации, назвала ее «Письма о голоде», очевидно приняв статью за цикл писем, посланных Толстым в иностранные газеты. Под этим произвольным названием статья перепечатывалась в последующих изданиях. В настоящем томе восстанавливается подлинное название статьи.

51

Статья «Голод или не голод?» была написана в 1898 году, когда в России снова разразился голод и Толстой, как и в 1891–1893 годах, принимал участие в помощи голодающим. Она чрезвычайно тесно связана тематически со статьями о голоде 1891–1893 годов, поэтому помещается в настоящем томе.

52

В. И. Ленин, Сочинения, т. 15, стр. 183.

53

В. И. Ленин, Сочинения, т. 6, стр. 67.

54

Несомненно, что в непосредственной связи с мыслями и переживаниями Толстого во время голода находится тот факт, что он принял в 1894 году, после длительного перерыва, за обработку легенды о Петре Хлебнике.

55

В. И. Ленин, Сочинения, т. 5, стр. 231.

56

В. И. Ленин, Сочинения, т. 5, стр. 216–217.

57

В. Н. Ламздорф, Дневник, изд. «Academia», М. – Л. 1934, стр. 261.

58

Н. Н. Гусев, Летопись жизни и творчества Л. Н. Толстого, М. – Л. 1936, стр. 465.

59

Т. 84, стр. 128.

60

С. А. Толстая, Письма к Л. Н. Толстому, М. – Л. 1936, стр. 468.

61

Т. 84, стр. 104.

62

Т. 53, стр. 69.

63

См. в наст. томе историю писания и печатания «Хозяина и работника».

64

Т. 53, стр. 317.

65

В. И. Ленин, Сочинения, т. 15, стр. 180.

66

См. наст. том, стр. 304.

67

Ярким доказательством этого служит творческая история романа «Воскресение». В конце романа Толстой приводит Нехлюдова, как и Брехунова, к нравственному «воскресению» и заявляет, что с этого момента началась у Нехлюдова иная, новая жизнь. Однако позднее, когда Толстой задумал продолжение «Воскресения» – о «крестьянской жизни» Нехлюдова, он так наметил в Дневнике 1904 года план этой своей работы: «...Захотелось написать 2-ю часть Нехлюдова. Его работа, усталость, просыпающееся барство, соблазн женский, падение, ошибка, и всё на фоне робинзоновской общины» (т. 55, стр. 66).

68

Из письма Л. Н. Толстого В. Г. Черткову от 24 апреля 1890 г. – т. 87, стр. 24.

69

Т. 51, стр. 57.

70

Т. 68.

71

Л. Н. Толстой, «Предисловие к сборнику «Цветник» – т. 26, стр. 308.

72

См. т. 30.

73

В. И. Ленин, Сочинения, т. 15, стр. 185.

74 Там же, т. 16, стр. 296.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://tolstoyleo.ru/> Приятного чтения!
<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://filosoff.org/> философия, философы мира, философские течения. Биография
<http://dostoevskiyfyodor.ru/>
сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!